

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией: В. Ставского, Е. Петрова, В. Лебедева-Кумача, Н. Погодина, О. Войтинской.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Дело всей литературы

Богаты и разнообразны темы и сюжеты, ждущие писателя. Советские писатели не знают недостатка в материале для своего творчества. Это естественно. Каждый день прибавляет новые факты героических дел граждан самой свободной и самой демократической в мире страны.

Настоящий вдумчивый художник умеет разглядеть великое и в малом, умеет осмыслить и отобразить в художественных образах горячие боевые жизни.

Советские писатели, для которых судьбы социализма давно стали их личными судьбами, реально чувствуют вместе со всем народом приближение новых решающих схваток со смертельным врагом культуры и цивилизации — фашизмом.

Об этих грядущих последних схватках говорят уже в Испании и Китае войны. Об этом не раз говорил всем нам товарищ Сталин. Мы помним его слова: «Нужно весь наш народ держать в состоянии мобилизационной готовности». На советских писателей, «инженеров человеческих душ», эти слова возлагают особые обязанности. Художественным образом, поэтической строфой они могут воспитывать в людях нашей страны высокие патриотические чувства, благородную любовь к родине, желание отгнать все свои силы интересам человечества.

Советскому народу выпала великая историческая честь — быть в авангарде человечества. Он создает передовые формы общественной жизни, передовую науку, передовую литературу и искусство. Поэтому от Советского Союза мир ждет спасения человечества. В таких условиях что может быть расцветом творчества, мобилизующим народ на большие патриотические дела!

Голос поэта, поэта может многое сделать, чтобы наш народ, в предвидении грядущих боев с фашистами, извергами, находившимися в состоянии готовности ответить ударом на удар поджигателей войны.

Нечего думать, что эта работа может быть поручена какой-нибудь отдельной группе «оборонных писателей». Нет, это долг всей нашей литературы, всех писателей.

Правящие классы за рубежом не шают средств на создание квази-литературы, восхваляющей «доблесть» самураев или коричневокопачников. Вся эта буржуазная макулатура имеет одно назначение — огульным массам, отравить их социалистическим ядом. Мы люди правды, нам глубоко противен шовинизм, мы интернационалисты, а наша страна, по выражению товарища Сталина, — ударная

бригада мирового пролетариата. Вот эти чувства интернационального братства и национальной гордости за свою родину должна воспитывать в своих читателях советская литература.

Писатели в СССР создали много замечательных произведений о гражданской войне, они работают над этой тематикой и сейчас. Мы любим и ценим свою героическую историю, и естественно, что писатель обращается к пережитому, что он черпает здесь материал для творчества. Но почему почти нет настоящих художественных произведений о Красной Армии и Военно-Морском Флоте сегодняшнего дня?

На выборах Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных и автономных республик народ выдвинул в свои высшие органы власти замечательных представителей Красной Армии и Военно-Морского Флота — Михаила Удина, Белоцерковца, Михеева и многих им подобных славных защитников нашей родины.

С какими захватывающим интересом слушали избиратели их красочные биографии! Почему же они не послужили материалом для писателей? Разумеется, речь идет не о том, чтобы написать очерк о Удине или Михееве, найти подходящие слова для изложения их пути. Речь идет о большем — о том, чтобы осмыслить путь «ярких людей» — красноармейцев в герои и знатные люди страны и воплотить его в настоящих художественных реалистических произведениях.

Но для этого нужно знать армию, быть близким к ней.

Мы вникли к чему привел печальный опыт Лаврентева написавшего пьесу об Испании и не знавшего ни народа Испании, ни его истории, ни его телешерей борьбы. Получилась фальшивая пьеса, схематичная и антихудожественная. А советский народ ждет от писателя правдивых произведений.

В воспитании патриотических чувств, любви к армии и флоту большое значение могут иметь песни, рассказы, эстрадные миниатюры. Это вовсе не второй сорт литературы, как думают некоторые снобы от литературы. Здесь большое поле деятельности для писателя.

В дни, когда весь советский народ выражает свое возмущение действиями японских провокаторов, писателям особенно необходимо подумать над произведениями «наполненными заглавием». Это должны быть большие произведения, воспитывающие благородные патриотические чувства и больше врага прямо в его трусливое черное сердце.

К Столкновению в районе озера Хасан

Вчера, 4 августа, японский посол в Москве Г. Сигеницу посетил Народного Комиссара Иностранных Дел т. Литвинова и, коснувшись столкновения в районе оз. Хасан, заявил, что японское правительство имело намерение разрешить «инцидент» мирным путем, как локальный. По поручению своего правительства, посол поэтому предлагает прекратить военные действия с обеих сторон и перевести вопрос на реальный дипломатических переговоров.

Тов. Литвинов ответил, что если у японского правительства действительно были мирные намерения, то им отнюдь не соответствовало действия японских военных властей. Вооруженный переход советской границы и ночную атаку на советскую погранзаставу с применением артиллерии можно назвать мирными действиями только иронически. «Инцидент» возник только в результате этих действий и не будь их, не было бы и инцидента. Если японцы прекратят нападения на советскую территорию и обстрел ее и отзовут те остатки своих войск, которые могли еще остаться на советской территории, то и у советских войск не будет оснований продолжать ответные боевые действия и тогда советское правительство будет готово к дипломатическому обсуждению тех предложений, которые японское правительство пожелает ему сделать. Однако, предварительно должна быть обеспечена неприкосновенность советской границы, установленной Хунчунским соглашением и приложенной к нему карты.

Посол сказал, что он не намерен возобновить спор о границе и об ответственности той или иной стороны, об объективном или объективной на этот счет не существует. Он признает силу международных договоров, но Манчжоу-Го после отделения от Китая имеет свои данные. Карту, приложенную в Хунчунском соглашении, Япония теперь увидела впервые. Неразумно поэтому разрешить инцидент на основе такой карты. Однако, японское правительство готово приступит на месте в конкретном переговорах о договоре и о карте. Об уточнении границ между Японией и Советским Союзом велась уже раньше переговоры и было достигнуто соглашение о создании смешанных комиссий. Если основываться только на картах, то незначительно говорить о смешанных комиссиях. Пока же надо говорить практически о прекращении военных действий и о восстановлении положения, существовавшего до 11 июля.

На это Народный Комиссар заявил следующие. Границы между государствами определяются исключительно международными соглашениями и картами, а не субъективными мнениями или желаниями правительств и военных сфер или неофициальными данными. Предъявленным советской стороной официальным документам японская сторона не противопоставила ничего нового, кроме заявления о желательности для нее другой границы. Границей между СССР, Манчжоу-Го и Кореи может быть лишь та, которая была установлена заключенными с

китайским правительством соглашениями и договорами и приложенными к ним картами. Окупация Манчжурии Японией не дает последней права требовать изменения границы. Во всяком случае, советское правительство не соглашалось и не согласится на пересмотр границы. Не наша вина, если в Токио нет договоров и карт, которые имелись у китайского правительства и должны быть у Манчжоу-Го. А если их действительно нет, то посол мог, конечно, просить нас дать ему копии этих договоров и карт для рассмотрения их, но японские войска этому предпочли путь прямых действий и вторглись за черту, указанную на карте. Советское правительство не берет назад своего согласия на создание смешанных комиссий на определенных указанных им условиях, но речь тогда шла не об установлении новой границы, а о демаркации (установлении пограничных) или демаркации границы на основе существующих соглашений и карт. Если японское правительство заявит нам ясно о признании Хунчунского соглашения, то мы будем готовы включить и указанную в нем границу в работы смешанных комиссий, но только для демаркации. О замене Хунчунского соглашения другим не может быть и речи. Что касается прекращения военных действий, то если будет восстановлено положение, существовавшее приблизительно до 29 июля, то есть до попытки захвата японскими войсками высоты Безымянной и затем Заозерной, с манчжурской стороны прекратятся нападения на советскую территорию, лежащую за чертой, указанной в Хунчунском договоре и обстрел этой территории, и будут отозваны остатки японских сил, которые могут еще оставаться на этой территории, то прекратятся военные действия и с советской стороны, ибо они станут беспредметными, так как манчжурская земля нам не надо. Японцы сами могли убедиться после ночного захвата высоты Заозерной, что там не было сделано никаких приготовлений для наступательных действий и не было даже возведено никаких укреплений. Это лучше всего свидетельствует о мирных намерениях советской стороны. Советские народы не будут, однако, мириться с пребыванием иностранных войск хотя бы на клочке территории, которую они бесспорно считают своей, и не будут останавливаться ни перед какими жертвами, чтобы от них освободиться. Поэтому, пока будут продолжаться нападения на советскую территорию, обстрел ее или на ней будет находиться хотя бы один японский солдат, советское правительство должно сохранить за собой свободу действий. Г-н посол вероятно понял и точно передает своему правительству, что требуется для того, чтобы прекратились военные действия. В дальнейшем японское правительство сможет получить копии или фотографии Хунчунского соглашения и карт для целей соответствующих распоряжений властей на месте.

Японский посол обещал доложить разговор своему правительству. (ТАСС).

Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны. СТАЛИН.

ЯПОНСКИЕ ФАШИСТЫ ПРОСЧИТАЛИСЬ

Резолюция митинга работников Государственного издательства «Художественная литература»

Мы, работники Государственного издательства «Художественная литература», собравшись за митинг протеста, с чувством гнева и возмущения заслушали сообщение о нападении бандаитского налета на нашу социалистическую землю на границе Дальнего Востока.

Обанкротившаяся в борьбе с великим китайским народом японская военщина идет на очередную полудюлю провокацию войны против Советского Союза, против отечества трудищихся всего мира.

Полые японские фашисты просчитались, они получили крепкий отпор от нашей славной Красной Армии Дальнего Востока. Советские бойцы при поддержке всего народа и вверье не оставят безнаказанной ни одну фашистскую провокацию.

Могучий советский народ готов в любую минуту смертным огнем встретить врага, откуда бы он ни появился.

Мы просим наше правительство не оставлять провокации японской военщины безнаказанно.

Коллектив работников Гослитиздата примет все меры к тому, чтобы в самое ближайшее время организовать выпуск ряда художественных произведений, отображающих боевую жизнь нашей славной, непобедимой Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Мы заверяем партию и правительство, что готовы по первому зову стать на защиту своих социалистических завоеваний.

Да здравствует великий советский народ!

Да здравствует наша могучая непобедимая Красная Армия и ее первый маршал товарищ Ворошилов!

Да здравствует наш маршал коммунизма, мудрый вождь и учитель товарищ Сталин!

ВЕСЬ НАРОД ВСТАНЕТ НА ЗАЩИТУ СВОЕЙ ЛЮБИМОЙ РОДИНЫ

Резолюция митинга работников Издательства детской литературы

Беспримерная по своей наглости вылазка японской военщины, посягнувшей на нашу священную советскую землю, вызвала у всего народа нашей страны чувство глубочайшего гнева.

Мы, работники Издательства детской литературы, присоединяем свой голос возмущения к голосу многомиллионного народа Советского Союза.

Не раз японские самураи пытались захватить со своим свинным рылом в наш советский отпор. Но всегда наши славные пограничники, наша доблестная Красная Армия давали сокрушительный удар этим попыткам.

Пусть не забывают фашисты Японии и других стран, что мы «ни одной пяди чужей земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

Пусть помнят все враги Советского Союза, что на защиту своей любимой родины вместе с Красной Армией встанет весь народ, готовый стереть с лица земли фашистских гвалов.

Мы заверяем партию и правительство, что наш коллектив готов по первому зову встать с оружием в руках на защиту священных рубежей нашей родины. Наша прямая задача — немедленно развернуть во всю ширь работу Осоавиахима, организовав военные кружки, охватив ими весь коллектив издательства.

Да здравствует наша могучая, непобедимая Красная Армия и ее первый маршал товарищ Ворошилов!

Да здравствует наш любимый вождь и учитель Иосиф Виссарионович Сталин!

ПРЕСЕЧЬ НАГЛЫЕ ВЫПАДЫ ЯПОНСКИХ ПРОВОКАТОРОВ!

Из резолюции митинга работников издательства «Советский писатель»

Советский народ, скрывший с себя яро эксплуататоров и свободно строящий свое социалистическое государство, стоит грозным предостережением для тех, кто вновь хочет пойти дорогой войны.

Японская военщина пытается посягнуть на священную неприкосновенность наших границ. Мы до глубины души возмущены пичичной наглостью японских провокаторов. Мы просим наше правительство сделать самые решительные шаги для пресечения наглых выпадов интервентов. Мы заверяем наше правительство, что все, как один, поднимемся за защиту цветущей родины, на защиту золотого отечества.

Привет отважным и доблестным бойцам Краснознаменного Дальневосточного фронта, мужественно оберегающим наши границы!

Мы с вами, товарищи! Да здравствуют несокрушимая Красная Армия и ее творцы и вдохновители, товарищи Сталин и Ворошилов!

В Государственном издательстве «Художественная литература» состоялся митинг протеста против японской провокации. На снимке — на митинге. Фото Е. Леонова.

ГОРЯЧИЙ ПРИВЕТ ГЕРОЯМ-ПОГРАНИЧНИКАМ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФРОНТА!

Резолюция митинга работников издательства «Молодая гвардия»

Мы, сотрудники издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», с чувством глубочайшего гнева, возмущения и ненависти узнали о новой провокационной вылазке японской военщины.

Рост могущества нашей родины, счастливая и радостная жизнь советского народа, его морально-политическое единство не дают покоя злобствующим псам японского фашизма.

Озлобленная неудачами в своей грабительской войне против китайского народа, японская военщина пытается вознестись своими хищные клыки в священную землю нашей прекрасной родины, спровоцировав нас на войну, вызвать пожар новой мировой бойни.

Японские бандаиты получили достойный отпор от наших славных пограничников. Пусть знает злобствующий враг, что везде, где он посягает на нас напасть, он встретит силу, которая нанесет ему сокрушительный удар.

Сила и мужество советского народа выражены в словах нашего любимого вождя, товарища Сталина: «Мы стоим за мир и отстаиваем дело мира. Но мы не боимся угроз и готовы ответить ударом на удар поджигателей войны».

Границы нашей священной земли неприкосновенны, и великий, кто посягнет на их нарушить, заплатит за это своей гнусной кровью.

Сокрушительный отпор зарвавшимся японским генералам

Резолюция митинга работников издательства «Искусство»

Мы, работники государственного издательства «Искусство», с чувством глубочайшего гнева и беспредельного возмущения узнали о провокационном налете японской военщины на нашу советскую землю.

С чувством величайшего преклонения перед храбростью наших славных героев-пограничников, с чувством величайшей гордости и любви к нашей могучей Красной Армии читаем мы сообщение печати о сокрушительном отпоре, данном бойцами Краснознаменного Дальневосточного фронта зарвавшимся японским генералам.

Пусть помнят японская военщина и все фашистские поджигатели войны, что за спиной нашей Красной Армии стоит весь советский народ и что по первому зову нашего правительства, нашей славной партии большевиков, нашего великого вождя товарища Сталина мы все, как один, встанем на защиту нашей родины и будем бить врага на его собственной территории.

Да здравствует наша непобедимая Рабоче-Крестьянская Красная Армия! Да здравствует Коммунистическая партия большевиков!

Да здравствует наш вождь — родной, любимый товарищ Сталин!

Будем бить врага на его территории!

Резолюция митинга рабочих, служащих и научных сотрудников Государственной Третьяковской галереи

Мы, рабочие, служащие и научные сотрудники Государственной Третьяковской галереи, с чувством величайшего возмущения и гнева узнали о новой провокации японской военщины — вторжении японских самураев-бандаитов на советскую территорию.

Нет такой подлости, на которую не пошли бы зарвавшиеся японские бандаиты. Убивая десятки тысяч мирных и беззащитных жителей Китая и Испании, разрушая культуру, созданную веками, фашистские ханжы стремятся нарушить мирный труд трудищихся Советского Союза.

Фашисты готовят войну против Советского Союза — отечества трудищихся всего мира. Но пусть они знают, что нет в мире такой силы, которая бы отняла у великого советского народа то, что завоевано его кровью. Пусть они знают, что слова товарища Сталина «Ни одной пяди чужой земли не хотим. Но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому» живут в наших сердцах.

Японские захватчики забыли, что великий Советский Союз есть великая держава Сталинской Конституции, а не пародия России. Пусть помнят враги, что под руководством великого Сталина — товарища

Пусть знают вдохновители войны, где бы они ни находились — в Токио, Берлине или Риме, что в случае, когда это потребуются, по первому зову нашей партии и советского правительства, советский народ, движимый глубочайшим патриотизмом, встанет на защиту своей родины.

В этот момент не будет большего счастья для советского человека, чем счастье быть в рядах Красной Армии и Красного Флота и вооруженной рукой разбить врага, осмелевшего на нас напасть.

Нападающие почувствуют на себе всю сокрушающую силу нашей славной авиации, технику советских танков, огонь артиллерии и железный шаг пехоты.

В ответ на вылазку японской военщины мы обязуемся еще больше кропить свою мобилизационную готовность, укрепить нашу организацию Осоавиахима, с еще большей энергией выполнять свои производственные обязательства.

Горячий привет героям-пограничникам Дальневосточного фронта!

Да здравствует наш великий советский народ!

Да здравствует наша родная доблестная Красная Армия — защитница интересов трудищихся всего мира!

Да здравствует наша большевицкая партия!

Да здравствует великий и любимый вождь народов — товарищ Сталин!

Еже наша разведка разгромила бану троцкистско-бухаринских шпионов, посланных фашизмом для подготовки войны против СССР, а наша доблестная Красная Армия во главе со славным наркомом — маршалом товарищем Ворошиловым так же беспощадно разгромит любые фашистские банды.

Красная Армия в любую минуту уничтожит любого врага, где бы он ни появился. Мы крепко помним основной принцип социалистической обороны и будем бить врага на его территории.

Мы заверяем великого вождя народов товарища Сталина, нашу партию и советское правительство, что будем стальной стеной защищать свою родину и все завоевания трудищихся и еще с большей энергией и вниманием будем изучать военное дело.

Мы просим советское правительство принять самые энергичные меры против варварских фашистских мерзавцев.

Да здравствует могучая и непобедимая Красная Армия!

Да здравствуют герои-пограничники Дальневосточного фронта!

Да здравствует партия Ленина — Сталина и великий гений человечества — наш родной Сталин!

Бои, ты слышишь, на заставах! Визжа толпятся у стобов Мир паразитов, крыс кровавых, Вооруженных до зубов.

Чужою кровью жить охочих — Людью мы не считаем их, Мы знаем: мутье руб рабочих Присоски, шпательны и их.

Нет, не жва их алая сила, Мы разобем их все равно, Иначе б солнце не светило, Дышать нам не было б дано.

Но сколько выдержки нам надо, Как много выдержки, скажи, Чтоб не схватить за горло гада, Перешагнув за рубежи!..

Липенных чести, полных злобы Мы все равно их разобем, И бить иначе не могли бы, Когда их мир идет на слом.

А. АДАЛИС.

И СЛОВО И ШТЫК НАГОТОВЕ

Мы, писатели Советской Украины и находящиеся в Киев писатели братских республик, присоединяем свой голос к могучему голосу протеста и гнева всего советского народа. Мы глубоко возмущены подобными провокациями оголтелой японской военщины на Дальнем Востоке. Самураи из Токио, вкуче с фашистскими головорезами из Берлина и Рима, стремятся разжечь пожар новой войны, они хотят сорвать мирный социалистический труд нашей любимой отчизны. Бандаиты с большой дороги забывают, что многомиллионный советский народ стоит на страже своих священных прав, что мы в любую минуту готовы громить врага на его же территории.

Японская военщина стремится во что бы то ни стало вызвать столкновение на Дальнем Востоке. Однако пусть поджигатели войны, что ни одного клочка советской земли ни не выдать, как своих собственных ушей.

В эти дни японские захватчики пытаются посягнуть на неприкосновенность советской границы. Они получили и получают жестокий отпор со стороны героических частей Краснознаменного Дальневосточного фронта. Если самураи мало этой науки, наш народ даст им дополнительный урок. Страна Советов не шутит.

В ответ на просяки врагов народные массы нашей страны еще теснее объединятся вокруг партии, вокруг любимого вождя — товарища Сталина. Писатели претупей Советской Украины в любую минуту готовы выполнить свой долг. И слово и штык — наготове.

Мы восхищаемся мужеством и героизмом славных дальневосточных пограничников, бойцов Краснознаменного Дальневосточного фронта. Мы шлем нам братский привет зоркому часовому социалистической родины — Краснознаменному Дальневосточному фронту.

Да здравствует братство народов СССР — несокрушимая опора могущества нашей страны!

Да здравствует героическая Красная Армия, Воздушный и Военно-Морской Флот и первый маршал товарищ Ворошилов!

Да здравствует партия Ленина — Сталина!

Да здравствует наш вождь, учитель и друг товарищ Сталин!

П. Антокольский, М. Бажан, А. Безыменский, Н. Браун, А. Головкин, И. Гончаренко, Я. Горюхов, Д. Гофштейн, А. Корнейчук, М. Комиссарова, А. Носыленко, И. Кочерга, Г. Лахути, К. Лордкипанидзе, А. Любченко, А. Малышко, М. Миронец, В. Охременко, П. Панч, Л. Перемышский, Н. Рыбан, М. Рымский, С. Силаренко, Ю. Смолиц, М. Тардов, В. Торин, П. Тычина, П. Усенко, Н. Ушаков, И. Фейер, А. Шинд,

Александр Георгиевич Малышкин

ПРЕКРАСНЫЙ ТОВАРИЩ

Умер писатель Александр Георгиевич Малышкин. Его имя останется в советской литературе благодаря трем произведениям, отмеченным не только развитием нашей художественной прозы, но также дающим картины истории борьбы за социализм в СССР. Три произведения эти — «Падение Дайра», «Севастополь» и «Люди из захолустья».

Александр Малышкин принадлежал к старшему поколению советских писателей, пришедшему к литературе с опытом гражданской войны. Едва ли не первый из наших писателей, он художественно поставил перед новым читателем тему победоносной героической борьбы Красной Армии в повести «Падение Дайра». Импрессионистичность письма этой повести, стилистические поиски еще молодого автора не помешали создать волнующее изображение осады и штурма последнего белогвардейского оплота в Крыму. Повесть обнаруживает отличную зоркость и точность глаза художника, его умение показывать массовые сцены и омысливать конкретный образ необходимым обобщением.

Все эти качества первой повести Малышкин развил в известном романе «Севастополь», в котором он выступил художником-реалистом, преодолел импрессионизм начального периода своей работы. «Севастополь» — тема глубокой перестройки интеллигентского мироощущения и перековки старого мелкобуржуазного сознания, тема принятия социалистической революции как единственной жизненной дороги. Роман написан просто, искренне и беспошадно, что отличало его от многих других книг на ту же тему, а автора его поставило в ряды крупнейших советских писателей.

Асеев Н. Н., Бабель И. З., Бахметьев В. М., Вересаев В. В., Войтинская О. С., Герасимова В. А., Гладков Ф. В., Иванов В. В., Караваев А. А., Катаев В. П., Кольцов М. Е., Лебедев-Кумач В. И., Левин Б. М., Леоков Л. М., Маркиш П. Д., Никулин Л. В., Новиков-Прибой А. С., Олеша Ю. П., Павленко П. А., Панферов Ф. И., Пастернак Б. Л., Петров Е. П., Погодин Н. Ф., Серафимович А. С., Соболев Л. С., Ставский В. П., Толстой А. Н., Тренев К. А., Фадеев А. А., Федин К. А., Шагинин М. С., Лежнев И. Г., Финн В. Г.

У ГРОБА

Зал обведен тонкой линией электрических огней, обступят крепко, посреди зала гряда венков, перелетевших лентами. В открытом гробу виднеется профиль знакомого лица.

Малышкин в гробу. Звуки музыки торжественные и печальные...

К гробу подходят знакомые, читатели, люди, может быть, ни разу не видевшие писателя, но отлично знавшие его голос, подходят, задерживаются на мгновение и тихо, точно боясь нарушить его сон, уходят...

Каждые четыре минуты сменяется почтенный караул.

Новые и новые венки ложатся у гроба. К гробу подходит делегация краснофлотцев сказать последнее «спрости» тому, кто был моряком, кто с последним матросским эшелоном ушел защищать родину Октябрьскую революцию, кто написал о моряках хорошую правдивую книгу «Севастополь».

Моряки в бескозырках сменяют писателей.

К гробу подходят делегации московских институтов, военных частей...

О хорошем товарище, искреннем художнике, человеке больших творческих возможностей говорит П. Павленко.

— Александр Георгиевич Малышкин в нашей писательской среде был образцом добросовестности, честности, блестящей оригинальности.

— Жил Александр Георгиевич скромно

Последний роман Малышкина «Люди из захолустья» развивал далее все ту же тему поисков новой души, нового сознания, роста нового, социалистического человека. Он посвящен «маленьким людям», как все творчество Малышкина, с глубокой любовью создававшего в своих книгах образы простых, незаметных, рядовых людей.

Сам он тоже был простой и искренний. Его натура была чужда завистливости, было несвойственно тщеславию. Он очень верил в человека, ювал в нем, прежде всего, хорошие сильные черты, умел радоваться успеху товарища, как своему собственному, умел дорожить произведениями товарищей, как своими, и защищать их, анализировать с глубоким знанием и любовью. Он был демократичен по натуре и в жизни, и в творчестве, и всегда, все годы неутомимо работал в литературной общественности, не боясь и не избегая самой черной работы.

В 1925 г. после службы в РККА Малышкин заведывал Военно-Морским отделом газеты «Красная звезда», вкладывая в эту работу весь свой военный опыт, все мастерство художника, все умение педагога и таким образом одним из первых наших писателей посвятил себя воспитанию молодых литературных кадров.

Александр Малышкин уделял много любви и редакторскому труду, долгие годы работал в «Новом мире». Отличный товарищ, он проявлял свою привязанность к литературе во внимании к молодому автору, к писательской рукописи. Он имел все основания считать литературному труду, потому что сам был высказательным художником, превосходным мастером. Таким он и остается навсегда в нашей памяти.

Асеев Н. Н., Бабель И. З., Бахметьев В. М., Вересаев В. В., Войтинская О. С., Герасимова В. А., Гладков Ф. В., Иванов В. В., Караваев А. А., Катаев В. П., Кольцов М. Е., Лебедев-Кумач В. И., Левин Б. М., Леоков Л. М., Маркиш П. Д., Никулин Л. В., Новиков-Прибой А. С., Олеша Ю. П., Павленко П. А., Панферов Ф. И., Пастернак Б. Л., Петров Е. П., Погодин Н. Ф., Серафимович А. С., Соболев Л. С., Ставский В. П., Толстой А. Н., Тренев К. А., Фадеев А. А., Федин К. А., Шагинин М. С., Лежнев И. Г., Финн В. Г.

ЗАДУШЕВНЫЙ ДРУГ

Трудно примириться с мыслью, что Александра Георгиевича Малышкина не стало. Горе очень велико: умер огромный писатель, задушевный друг, чудесный человек. Это был один из самых правдивых и искренних людей, которых я знал. Его все любило и высоко ценило его талант. Немолодушно-скромный, он жил искусством, предан был ему и владел им с удивительным, волнующим мастерством. Художественное слово для него было его дыханием, его жизнью, потребностью и служением во имя нашей революции, во имя пламенной любви к родине и своему народу.

Вышел он из крестьянской среды, с трудом и лишениями окончил гимназию и университет. Мобилизованный во время империалистической войны, он пошел в школу прапорщиков и оттуда сразу же пошел в ряды Красной Армии. Все гражданскую войну он провел на фронте. Его воспитала и выдвинула в первые ряды советских писателей Октябрьская революция.

Нашу социалистическую литературу он любил трогательной любовью и гордился ее успехами и ростом. Он не выносил лжи ни в какой форме и страдал, если чувствовал и видел неискренность в творчестве и в поведении людей.

Как член редколлегии «Нового мира», он за эти годы работал с авторами воодушевленно, упорно и много. Каждое его слово, обращенное к писателям, дышало теплотой и проникновенностью.

Как большой художник, он относился к

слову с великой строгостью и честностью. Для него оно было священно. Это был самоотверженный труженик и большой поэт. Написал он немного — всего три книги: «Падение Дайра», «Севастополь» и неоконченный роман «Люди из захолустья». Но каждая из этих книг — замечательное явление в нашей литературе. Каждая книга — новая ступень в его развитии.

Жизнерадостный, всегда бодрый, сердечный, он с восторженной нежностью любился нашей солнечной жизнью, прекрасными нашими людьми и радостно верил в сверкающее будущее. Вдумчивый, мятежный, самозабвенно преданный родине, своему народу и нашей партии, он с величайшим гневом и ненавистью клеймил врагов нашей отчизны и эту свою ненависть к ним вылил в своей последней книге «Люди из захолустья». Это был настоящий художник — боец и общественник. Каждый день и каждый час он жил огромными проблемами современности. Он обладал удивительным даром владеть неотразимым оружием художественной правды.

Много у него было замыслов, много замечательных образов носил он в душе. Он создал бы замечательные произведения. Но смерть подкосила его еще молодым. Неизлечимая тяжелая болезнь сожгла его.

Мучительно больно переживать эту потерю.

Прощай, дорогой, любимый друг. Прощай, родной товарищ!

ФЕДОР ГЛАДКОВ

Друг и товарищ

Советские писатели Грузии глубоко опечалены преждевременной смертью талантливого советского писателя, замечательного художника слова, любимого друга и товарища Александра Малышкина.

Симон Чинговани, Ило Мосашвили, Бесо Жгенти, Константин Лордипанидзе, Ираклий Абашидзе, Александр Нутатели.

Большой художник

Ленинградские писатели скорбят о смерти большого художника, выдающегося советского писателя Александра Георгиевича Малышкина. Передаем свое горячее соболезнование семье.

ПРАВЛЕНИЕ ЛЕНИНГРАДСКОГО СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ.

ПРАВЛЕНИЕ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

с глубокой скорбью извещает о смерти выдающегося советского писателя Александра Георгиевича МАЛЫШКИНА,

последовавшей после продолжительной и тяжелой болезни в ночь на 3 августа 1938 г.

Правление союза советских писателей.

Партийный комитет союза советских писателей с глубокой скорбью извещает о смерти выдающегося советского писателя

АЛЕКСАНДРА ГЕОРГИЕВИЧА МАЛЫШКИНА,

последовавшей после тяжелой болезни в ночь на 3 августа 1938 г.

Редколлегия журнала «НОВЫЙ МИР» и все его сотрудники с глубоким горем извещают о безвременной смерти члена редколлегии, дорогого товарища и друга, талантливого писателя

МАЛЫШКИНА Александра Георгиевича,

последовавшей в ночь на 3 августа после продолжительной тяжелой болезни.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ПИСАТЕЛЯ

В. ЕРМИЛОВ

«Мы были бедные, мы происходили из курносого, застенчивого простонародья, и я был первым в нашем роду, которого отец дерзнул послать в гимназию, на одну скамейку с господами».

Эта фраза из автобиографической главы романа «Люди из захолустья» объясняет основные особенности творчества Малышкина. Малышкин представлял собой огромный «род» трудовых людей из старого русского нищенского захолустья, мелких ремесленников, столяров, плотников, мастеров с золотыми руками и тех интеллигентов, которые изредка, обучаясь на мелкие гроши, выбивались из этого «рода». Он сам был таким интеллигентом, в нем было очень много от простого, задрогого подмастерья, и вместе с тем всякий, кто знал Малышкина, знает его поразительную застенчивость скромного трудового человека, помнит его манеру как-то сразу «уходить» из разговора, когда при нем начинали хвалить его произведения, особенно если при этом противопоставляли его какому-либо другому советскому писателю. Мастер, с той же строгой истовостью относящийся к своей писательской работе, с какой отец и сын Журкины, краснодеревщики, тонкие мастера, герой его «Людей из захолустья», относились к своему делу, — Малышкин до конца своих дней не был уверен в ценности своей работы, волновался, читая критические статьи о себе или готовясь к встречам с читателями.

А работа его имеет огромную ценность. Александр Малышкин был в числе основоположников советской литературы. 17 лет тому назад, в 1921 г., «Падение Дайра» представляло перед всем миром советскую литературу, ее тематический размах, ее суровую правдивость, ее романтику, грандиозность ее идей, ее справедливость, ее любовь к человеку.

«С окраин, из доков, из трущоб бедноты шли вставшие из земли, дававшие улыбки множеству»... Для них «счастливый, ровный ветер дует, ветер побед». «И казалась, с облаками бьют, с гулом двенадцатисильных гле-то-масс, атакли и стали времена в вепем напряжении».

Драматическая напряженность эпохи войны и революций, грандиозность борьбы отразилась в «Падении Дайра». «Кто кого развывает в сумерках полей, в смертельной схватке» — это было лейтмотивом произведения.

В «Падении Дайра» звучали блоковские мотивы, но звучали они по-другому. Это не было притчевое изображение с другого берега — «Падение Дайра» было написано человеком, который сам вышел из «трущоб бедноты», оно было написано участником великого исторического похода, похода за счастье.

Тема счастья, как и образ заря, проходит через все произведения Малышкина. Для тех, кто идет за Командармом в «Падении Дайра», — «за окопной, в темном шледе чудесная, бирюзовая полоса заря».

«В пенье фанфар шли упоенные — на крыльях сказок о прекрасных веках — парень в дырявом шарфе, закинув голову и орлом глядя вперед; другой — опустив веки (кружные и выпалые), утонул в далекие брезжущие сны»...

Настоящее и ложное счастье — это, в сущности, главная тема творчества Малышкина. Первый его рассказ, напечатанный еще до революции, в 1914 г., был посвящен этой теме. Рассказ назывался «Полевые праздники» («Современный мир», апрель 1914 г.). В глухом захолустном углу, в том самом Мшанске, в котором развивается действие «Людей из захолустья», предстает ярмарка. О ней мечтают люди, как о редком счастье, об отпуске, веселье, о каких-то замечательных встречах, — образ этого счастья всегда неясен, смутен, он только драматичен, манит перстами алыми, как блоковская «над заплытыми выказалами недостижимая заря». Множество людей тянется из окрестных деревень в этот разгульный, веселый, драматичный мир, который связан в их мечтах с ярмаркой.

Но на ярмарке пьяные купцы забавляются с «девками», буйствуют, за окнами стоят люди и завидуют купеческому разгулу. «Ударят к заре ливнем по монастырской площади, и все, что останется от буйного гуляшья — солому, тряпки, черепица, — все снесет кишащие ручьи в овраг. Нельзя будет выйти за ворота из обветшалых, и лишь Мшанск просверкает в сумерках... скупными огнями».

Ложное, призрачное счастье... Каждого из героев произведений Малышкина манила смутно-брезжущая заря, образ счастья...

Наиболее полно выражает всех героев Малышкина не прапорщик Шелехов, не журналист Николай Соустина, а столяр-краснодеревщик Иван Журкин, герой романа «Люди из захолустья». Он принадлежал к роду, в котором мастерство переходило от отца к сыну. Отец Ивана Журкина, искуснейший мастер, краснодеревщик, вынужденный делать простые гробы, всю свою жизнь прожил с мечтой о счастье. Он мечтал о своей лавке, о собственном роскошном катафалке в городе Сырарина, городе, который мерещился ему «стужонным чудесным краем, городом-зарей». «И что-то еще более светлое и радостное, чем катафалк, чудесило над Сырариной. Что? Эх, если б правду говорили люди и дело стоя-

АВТОБИОГРАФИЯ

Детство, юность — уезд. 1910—1916 г. — Петербург. 1917—18 — Черноморский флот, плавание, минное траление. 1918 — с последним матросским эшелоном, мимо оккупационных войск — на север Пенза.

С 1919 г. Красная Армия. Оперативная работа на Восточном, Туркестанском и Южном фронтах. 1920 — оперативная ячейка формирующейся 6-й армии, продолжавшей потом известный манеру у Перекоса: Крементуль — Бериславль — Каховский плацдарм — Перекоп — Симферополь.

В Таврии в 1921 г. написано «Падение Дайра».

К литературе привлечен В. Л. Львовым-Рогачевским, назначавшим в 1914 г. в «Современном мире» мой рассказ «Полевой праздник». С 1914 по 1921 г. писать рассказы было некогда.

А. МАЛЫШКИН.

Из книги «Писатели», Автобиография современников. Под ред. В. Лидина. Издательство «Современные проблемы». Москва, 1926.

КНИГИ А. Г. МАЛЫШКИНА

— Первая повесть «Падение Дайра» написана А. Г. Малышкиным в 1921 г. и выпущена издательством «Крут» тиражом в 5 тыс. экземпляров. Повесть четыре раза переиздана в последующие годы тиражом в 32 тыс. экземпляров. «Падение Дайра» переведена на азербайджанский, армянский, польский и узбекский языки.

— В 1926 г. в издательстве «Огонек» вышел тиражом 12 тыс. экземпляров сборник рассказов Малышкина «Ночь под Крыльями Рогом».

— В 1928 г. в издательстве «Пролетарий» выпущен сборник новых рассказов «Февральский снег» тиражом в 7 тыс. экземпляров.

— В 1931 г. сборник рассказов тиражом в 5000 экз. выпускает издательство «Никитинские субботники».

— В этом же году в издании ГИИХ выходит новый роман Малышкина «Севастополь». Роман неоднократно переиздавался и выпущен общим тиражом в 272 тыс. экземпляров.

— В 1933 г. в издательстве Жургазбодления в библиотеке «Огонек» выпущен новый рассказ Малышкина «Гости в Севастополе». Тираж — 15.000 экземпляров.

— В 1938 г. издательство «Советский писатель» выпустило последний роман Малышкина «Люди из захолустья». Тираж — 10 тыс. экземпляров.

выющийся герой из старого мира сохранял все же какую-то особую, «таинственную» привлекательность, основанную именно на том, что он «не до конца перестроился». Автор как бы говорил: да, он, мой герой, жалок, я разоблачаю его, но видите, какая в нем тонкость, как он тонко чувствует, — смотрите, не потеряйте эти драгоценные свойства!

Малышкин хорошо знал цену всем «полевым праздникам», всем «балаганчикам» и дешевым «тонкостям», — он был беспощаден к себе и к своим героям, не оставляя ни для них, ни для себя иллюзий. В борьбе за преодоление пережитков капитализма в сознании людей Малышкин был на передовых позициях. Иван Журкин, освоившийся от власти Петра Соустина, — власти пенькой, основанной на множестве обманов и обманов, — это и есть главный герой творчества Малышкина.

Малышкин рассказал в своем творчестве, особенно в своем последнем романе, о судьбах сотен тысяч, может быть, миллионов людей, — он рассказал об этом страстно, глубоко и лично. «Люди из захолустья» — подлинное произведение народной литературы. Любовь к трудовому человеку и ненависть к врагам, поджигателям, убийцам человеческого счастья отличают этот роман.

Лирическая страстность характеризует творчество Малышкина. В каждом своем произведении он писал о самом важном для себя, о самом главном, о том, чем он жил, — и всегда, в любом произведении, он что-то беспощадно отрывал от себя и что-то завоевывал. В «Людах из захолустья» проходит жизнь страны в начале тридцатых годов, борьба за построение фундамента социализма, борьба с врагами народа, — и все здесь глубоко лично освоено писателем, все, о чем он пишет, пережито, выстрадано им. Здесь нет ничего внешнего для писателя, постороннего. Это была большая, постоянная внутренняя нагрузка для художника, большой, настоящий труд не наблюдателя, а страстного участника всей жизни народа, непартийного большевика, который пришел из мшанского захолустья с его ложными мечтами и развеял в прах ложные мечты, чтобы увидеть подлинный «город-зарю». Этот город не горит, не погребет, его отстоят от всех врагов миллионы трудовых людей.

Мастер советской литературы, скромный, истово-строгий в работе, страстный, веселый, простой человек, сын трудового народа, Александр Георгиевич Малышкин честно работал для своей страны, для партии Ленина — Сталина, которая привела людей к настоящему человеческому счастью.

ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Длинная вереница машин провозжала в последний путь гроб в любимым писателем, другом, товарищем.

— Мы хороним, — говорит в надгробной речи т. Вишневецкий, — большого советского писателя, страстного борца.

24 лет от роду пришел Малышкин в начале мировой войны на фронт. Начал командиром, но был товарищем и другом, дружески пожимавшим руку русского матроса. Рядом с ним с винтовкой пошел он в горячий бой за Великую Октябрьскую революцию.

Героический путь побед нашей доблестной

Красной Армии — это путь, по которому прошел наш друг и товарищ, моряк и писатель Александр Георгиевич Малышкин. Пройдя сквозь огонь трех фронтов, он вместе с героическими частями Красной Армии брал Перекоп — последний оплот белогвардейщины. И во всех своих книгах, где с такой художественной силой показана гибель старого, Малышкин воспел наши победы, победы нового и радостного, благородного и человеческого.

Многолетняя служба во флоте, — говорит т. В. Вишневецкий, — вот источник того богатого материала, который ставит книгу «Севастополь» в первые ряды книг, входящих в историю русской советской литературы.

Тихо опускают гроб... Цветы покрывают могилу... Прощай, дорогой друг!

Книги бывалых людей

Однажды на Манежной улице, напротив детского сада, остановился автомобиль. Из него вышел молодой человек в форме летчика. Хозяйка детского сада нетерпеливо ожидала гостя — А. В. Липинского — был по-военному точен.

Гость рассказал своим маленьким товарищам о человеческой эпохе. Рассказ А. В. Липинского застеноча-франовала. Эта стенограмма послужила материалом для книги «Челюскинцы», выпущенной издательством Детиздата.

Интересный опыт Детиздата, привлечение к созданию книг для детей двух Героев Советского Союза — А. Липинского и Г. Байдукова, — несомненно заслуживает внимания.

Еще в 1933 году А. М. Горький писал в статье «О темах»: «Наряду с писателями, мастерами слова, детская литература должна уметь использовать богатый жизненный опыт «бывалых людей» — охотников, моряков, инженеров, летчиков, агрономов, работников МТС и т. д.» (М. Горький «О литературе», стр. 196).

Но детская литература прошлых лет почти не затрагивала тем современности. Маленькие граждане, с 3—4-летнего возраста игравшие в Шмидта и в Чкалова, не имели книг о своих любимых героях и их подвигах. Книги Героев Советского Союза А. Липинского — «Челюскинцы» и Г. Байдукова — «Через полюс в Америку» восполняют этот пробел.

Говоря о создании этих книг, нельзя не отметить большое чувство ответственности, тщательность и упорство в работе над текстом, характерные для обоих авторов-летчиков. Немало поработал Т. Липинский над стенограммой своего рассказа ребятам, прежде чем она превратилась в книгу. Все вопросы и высказывания детей из детского сада были учтены автором.

Тов. Байдуков три раза заново перерабатывал свою книгу, пока наконец она не удовлетворила автора. Но и после этого с упорством, характерным для советского летчика, не переставал он вносить многочисленные поправки, кропотливо работая над текстом.

Труды не пропали даром. Обе книги читаются маленьким читателем (и не только маленьким) с неослабевающим интересом.

Простой, безыскусственный рассказ Т. Липинского пронырнул добродушным юмором советского человека, не теряющегося ни при каких, даже самых трудных, обстоятельствах. Особенно хороши главы «Легерь Шмидта» и «Спасение».

Автор все время помнит о маленьком читателе. Он подробно рассказывает о любви и заботах, которыми окружили челюскинцы двух маленьких девочек — Аллу и Карину.

В повествование о спасении людей со льдины вклинивается маленькая повесть о мальчике — чукче Ильянигене, с которым автор подружился в Улене. Читатель не забудет этого мужественного пятилетнего охотника, — так интересно сумел рассказать о нем Липинский.

Большое впечатление производит драматический эпизод, когда Липинский вынужден был посадить машину на неровный лед, совершенно не приспособленный для посадки.

«И сказал своим помощникам: — Пе-

рейлите в хвост самолета. А то, если машина ударится носом, уберется...»

И после посадки, когда самолет получил серьезные повреждения:

«Видим: подломилась у нашего самолета «нога» — лыжа. Чинить здесь негде и нечем. Петров горько усмехнулся:

— Ну, вот и лагерь Липинского... Самоотверженность, чувство товарищества, юмор пронизывают книгу Липинского.

Еще по дневнику Г. Байдукова, которым зачитывались взрослые читатели, можно было судить о несомненных литературных способностях автора.

В книге для детей «Через полюс в Америку» обращают на себя внимание прекрасные язык автора, его точные и меткие сравнения и характеристики. Описывая спящего Белюкова, автор говорит: «Неуклюжие меховые сапоги смешно пошевеливаются, словно две мохнатые собачки». Читатель запоминает меткое сравнение.

С большим умением автор говорит о сложной технике полета. Опуская трудные технические детали, Т. Байдуков в то же время знакомит читателя, в доступной для него форме, со всем сложным хозяйством самолета.

Нигде в книге Байдукова не говорится в лоб о дружбе летчиков. Но бережное внимание друг к другу, настоящая человеческая теплота отношений чувствуются на каждой странице.

«Я с облегчением вздохнул и поглядел через плечо на Валерию. Он пережил немало и теперь, как-то по-серьезному улыбнувшись, стал кутаться потеплее в спальный мешок».

«Я дружески похлопываю Валерию и мы от радости пожимаем друг другу руки. У него глаза налились кровью, но зрачки веселые и нежные».

Так в скупых, сдержанных словах автор передает читателю чудесную дружбу трех товарищей.

В этой мужественной книге много лирических, теплых мест: и там, где автор говорит о суровой природе Арктики, красоте которой он замечает, несмотря на страшное напряжение и усталость, и особенно там, где он вспоминает о великом воле товарищах товарище Сталине, звание которого выполняют три отважных патриота.

«Наверно, и Сталину сообщили, что мы летим хорошо. Он волнуется больше всех — я в этом уверен. Ведь он любит весь народ, любит летчиков и следит за всеми, всех обдирает».

Мне становится приятно и тепло от этих мыслей».

Книга Байдукова, так же как и книга Липинского, имеет большую познавательную ценность для читателя-ребенка. Но самое главное в этих книгах — подка трудностей борьбы с суровой природой и прекрасно обрисованные мужественные характеры советских людей.

Книга Байдукова прекрасно издана. К сожалению, нельзя же сказать об издании книги Липинского. Хорошие фото орденосна-челюскинца П. Новикова фабрикой детской книги испорчены в производстве. Некоторые фото превратились в шарлатанские черные пятна и не столько иллюстрируют книгу, сколько плохую работу технической базы Детиздата

Л. ВЕПРИЦАЯ

В золотой долине драматургии

Евг. БЕРМОНТ

Недавно один драматург делился со мной своими творческими замыслами.

— Знаете, — сказал он, — я думаю написать пьесу из быта печенегов...

— Почему печенегов? — удивился я. — Ведь вы не знаете их быта... Написали бы лучше что-нибудь из современной жизни...

— Но ведь и современной жизни я тоже не знаю... Печенег по крайней мере не придут на премьеру и не будут протестовать...

А ведь, пожалуй, он прав! Если просмотреть пьесы, выпущенные в последнее время издательством «Искусство», поражает археологический уклон нашей драматургии.

Передо мной высокая стопка свежих сравнения и характеристики. Описывая спящего Белюкова, автор говорит: «Неуклюжие меховые сапоги смешно пошевеливаются, словно две мохнатые собачки». Читатель запоминает меткое сравнение.

С большим умением автор говорит о сложной технике полета. Опуская трудные технические детали, Т. Байдуков в то же время знакомит читателя, в доступной для него форме, со всем сложным хозяйством самолета.

Нигде в книге Байдукова не говорится в лоб о дружбе летчиков. Но бережное внимание друг к другу, настоящая человеческая теплота отношений чувствуются на каждой странице.

«Я с облегчением вздохнул и поглядел через плечо на Валерию. Он пережил немало и теперь, как-то по-серьезному улыбнувшись, стал кутаться потеплее в спальный мешок».

«Я дружески похлопываю Валерию и мы от радости пожимаем друг другу руки. У него глаза налились кровью, но зрачки веселые и нежные».

Так в скупых, сдержанных словах автор передает читателю чудесную дружбу трех товарищей.

В этой мужественной книге много лирических, теплых мест: и там, где автор говорит о суровой природе Арктики, красоте которой он замечает, несмотря на страшное напряжение и усталость, и особенно там, где он вспоминает о великом воле товарищах товарище Сталине, звание которого выполняют три отважных патриота.

«Наверно, и Сталину сообщили, что мы летим хорошо. Он волнуется больше всех — я в этом уверен. Ведь он любит весь народ, любит летчиков и следит за всеми, всех обдирает».

Мне становится приятно и тепло от этих мыслей».

Книга Байдукова, так же как и книга Липинского, имеет большую познавательную ценность для читателя-ребенка. Но самое главное в этих книгах — подка трудностей борьбы с суровой природой и прекрасно обрисованные мужественные характеры советских людей.

Книга Байдукова прекрасно издана. К сожалению, нельзя же сказать об издании книги Липинского. Хорошие фото орденосна-челюскинца П. Новикова фабрикой детской книги испорчены в производстве. Некоторые фото превратились в шарлатанские черные пятна и не столько иллюстрируют книгу, сколько плохую работу технической базы Детиздата

Л. ВЕПРИЦАЯ

сева и Файко взятых вместе. Где же лгут эти комеди? Какие театры их ставят? Какая публика им рукоплещет? Кто вызывает автора? Увы, автора вызывает только добродушная бухгалтерия издательства «Искусство».

Николай Ваганов — не новичок в драматургии. Кроме только что названного «Наследства», у него есть еще 9 больших четырехактных пьес. Все изданы. Все зарегистрированы. Недавно мы заинтересовались доходом плодотворного драматурга.

Звонок в Управление по охране авторских прав. Оттуда ответили:

— Авторские отчисления по всем десяти пьесам Ваганова за 1937 год составили 9 рублей 53 копейки...

— Что?!. Что вы сказали?!

— 9 рублей 53 копейки...

— Позвольте... Это же выходит рубль с копейками за пьесу?! Это же чорт знает...

Меня перебили:

— Вы сначала почитайте, а потом возмущайтесь...

Читая «Наследство» трудно. Оно написано тем рыцарским языком, на котором излагаются скучные ораторы. Диалог — оружие драматурга. Проверим же оружие Ваганова.

Вот, например, любящая жена рассказывает начальнику о работе своего мужа:

«Мария: Степан хочет отразить в этом скульптурном образе Зея боевой дух национальных республик, их готовность отразить любого врага...»

Теперь так не пишут даже прозаики! Оставшись наедине, супруги беседуют:

«Мария: Но ведь ты огульно огульно огульно раз по линии разведки, срывая план восстановления прииска «Крайнего».

Зюлька: Не забывай, что и новое руководство не может выбросить из плана поиски новых месторождений золота...»

Ни одного живого, меткого слова на протяжении ста пяти страниц! Содержание таково:

у волжского чиновника Аристарха Модестовича два сына — белый и красный. Во второй картине белого сына застреливают с помощью его красного брата. В третьей картине белый воскресает из мертвых, делается вредителем, причем брат, у которого он работает, его не узнает.

Пьеса эта — за пределами драматургии. Если и остальные произведения Ваганова таковы, то рубль с копейками, честное слово, хорошая цена!

У Петра Жаткина — 25 пьес и 70 руб. 97 копеек годового гонорара. В его новом произведении «Высокое чувство» старейший сторож Василий Федорович излагает на таком вычурном языке:

«Вас. Фед.: Мария Павловна в день ихнего рождения от личных моих усилий по случаю полной благодарности...»

Жаткин полагает, что искоска взглядывая на литературу, он получит «сочный» народный говор...

С равным запасом порежского материала Н. Дмитриев создал «У синего фюрера». Эта пьеса написана по слухам, без знания страны, быта ее, нравов — сухая и бескровная схема. И хотя автор сообщает, что действие происходит в западной части Норвегии, но оно может происходить и в восточной части Австралии.

В театре оно проведется не будет.

К сожалению, последнее относится к огромному большинству пьес, выпускаемых списком и неосмотренными «Искусством». Его энергичная деятельность в этой области напоминает бешено вертящиеся колеса автомобиля, буксующего в сугробе...

Г. Матвеев является автором 28 изданных комедий. Это меньше, чем у Лопе де Вега, но больше, чем у Тренева. Погибли Корнейчук, Славина, Шкваркина, Гу-

Зритель ищет на сцене правду. Если старенькая польская пьеса из глухого белорусского местечка разговаривает, точно младший пламенный районный землекоп:

«Па и я (ксензу): Информацию о нашей работе на окрылах встретили с восторгом. Нашу деятельность ставят в пример другим. Петру отпустили тысячу алохтов...»

...то не вершишь уже ни этой пани, ни ксензу, ни петру, ни алохтов, ни многому другому из пьес Ольшевской «Бузушка кукучет».

А взять, например, диалог из двадцати восьмой комедии Г. Матвеева «Три тоста». Известный артист, крупный инженер и талантливый проектировщик Пра пользуются лексиконом уличных парней: «Я врал — спасу нет», «саматый улочки», «слам в молду», «загробил» и т. п.

И Пра инженер, красивая женщина с сложным духовным миром, как ее рекомендует драматург, на вопрос любимого человека отвечает:

— Дай очухаться!

Нельзя чухаться, т. Матвеев! Здесь литература!

У А. Корнейчука в «Платоне Кречете» есть Лиля, девушка-архитектор, автор сложного и непрактичного проекта больницы. Против этого проекта выступает доктор Кречет влюбленный в Лилю...

Маломощные драматурги размножают эту коллизию, как под копирку. Из четырех вышеупомянутых пьес на советские темы — в двух есть девушки, составляющие сложные и непрактичные проекты, и любящие молодые люди, которые эти проекты отвергают...

У А. Матвеева в «Инженере Волошине» такая девушка — Тоня, а у Г. Матвеева — та самая Пра, которая просила дать ей очухаться...

Пьес пишется очень много. Законодательного акта, запрещающего писания подобных пьес, нет. Но нет и обратного положения, которое предписывало бы издавать все, что вытекает из-под пера писателя, рвущихся в золотую долину драматургии.

В палатки Госиздата Армянской ССР выходит из печати одноименный избранный сочинений армянского классика Газароса Агяна с иллюстрациями художника Ашота Мамалджяна. На снимке — иллюстрация к повести «Анант».

Столетие первого перевода «Фауста» на русский язык

Величайшее творение Гете — трагедия «Фауст» — издавна привлекало внимание русских поэтов и переводчиков. Первый русский перевод из «Фауста» — знаменитое посвящение, начинающееся словами «Опыт ты здесь, мой благодатный гений», принадлежит, как известно, Жуковскому. Отдельные сцены и отрывки из «Фауста» переводили Губицкий, Веневитин, Тютчев, Шевырев, Струтовский и другие.

Первый полный перевод первой части трагедии, выполненный литературоведом-палеонтологом Э. И. Губером, появился только в 1838 году. Закончив свой перевод в 1835 году, Губер тогда же сделал попытку напечатать его, но николаевская цензура, которой трагедия показалась кощунственной и богохульной, запретила ее печатание.

В одном из своих писем Губер рассказывал о причинах, которые заставили его снова приступить к работе. «Пушкин весьма одобрил мой перевод, особенно перевод «Фауста», за которым я следил почти пять лет; в прошлом году он был готов, но цензура его не пропустила, и я в досаду разорвал рукопись. В нынешнем году я, по настоянию Пушкина, начал его во второй раз переписать...» Так в 1838 году появился перевод «Фауста», посвященный «незабвенной памяти» великого поэта.

Появление перевода первой части трагедии (с цензурными купюрами) вызвало восторженные отзывы печати.

Появление первого полного перевода «Фауста» было воспринято современниками как большое литературное событие. О нем писали «Современник», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения».

«Современник» писал: «Редко перувающаяся перу глубокий мыслитель и истинный, передавший в прекрасных стихах, поражающих по силе, то басмю, то простотою, — вот что ожидает всякого в переводе Г. Губера. Кто при этом чтении остался бы равнодушным в таком разнообразном красотах, тому напрасно было бы читать и самый полониник».

«Отечественные записки» находили, что «скудная литературная жатва» 1838 г. была вполне вознаграждена появившимся переводом «Фауста». Особенно восторженными были отзывы «Библиотека для чтения», которая писала: «Превосходно! Удивительное! Такого перевода «Фауста» не имеет ни одна европейская литература, и мы даже никогда не надеялись видеть что-нибудь подобное в нашем языке...»

Не сливаясь с этими голосами, особо и как всегда глубоко, звучал голос Великого, находившего, что в переводе Губера создание Гете является не могущественным и крепким, пронырнутым жизнью, которая веет даже в самых звуках стихов, но расслабленным и хилым.

К сожалению, до сих пор на русском языке мы не имеем полного перевода «Фауста». Не переведены прологемы к «Фаусту», опубликованные в Германии в 1840 году, и «Прафауст», считающийся при жизни Гете уничтоженным автором и найденный в одной из частных библиотек в Германии в 1885 году. Последнее издание «Academia» в двух томах также не включило указанных двух дополнений к «Фаусту», хотя они небольшого объема — 700 строк стихов и прозы на несколько тысяч строк опубликованной части.

Отмечая столетие со дня появления первого перевода «Фауста», следует вспомнить, что в текущем году исполняется юбилей и другого перевода «Фауста» на русский язык: 60 лет тому назад, в «Собрании сочинений Гете» под редакцией Н. В. Гербеля, был напечатан самый популярный у нас перевод «Фауста» — П. А. Холоковского, выдержавший в настоящему времени около 15 изданий.

Н. ИПОЛИТОВ

Уходящая мелкопоместная Чайка

В близкое время мы будем праздновать сорокалетний юбилей МХАТ — одного из лучших театров нашей страны, празднующегося всемирной любовью.

Недавно вышла книга о постановке «Чайки» в МХАТ, в которой помещена режиссерская партитура Б. С. Станиславского. Вступительная статья принадлежит С. Валуцкому. Специальная глава в ней посвящена «Исканиям К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко путей нового театра». Интересно, что же толкнуло этих прославленных деятелей нашего искусства к созданию Художественного театра?

Оказывается, что «Новый (т. е. Художественный) театр был основан в результате стремления окрестившей промышленной буржуазии и ее наиболее передовых прогрессивных кругов осуществить в искусстве новое свое эстетическое восприятие действительности, противопоставленное восприятию старому, уходящему, дворянскому».

Прочитавши эти строки, читатель, мало искусственный в писаниях вульгарных социологов, разберет рутинку: с какой же стати мы празднуем сорок лет «стремлений промышленной буржуазии»?

О, уходящая мелкопоместная Чайка!

С. ГЕХТ

ШЕСТЬ ОБЩИХ ПОНЯТИЙ

Иногда с удивлением думаешь: неужели все это в самом деле было? — всякие живые, именные, фусты, парнасцы? Неужели существовали при советской власти эти хитрые охотничьи и охотничьи протаски, ничто створанные от жизни, выпускавшие в свет свои сочинения, не имевшие ничего общего с делами и мыслями народа? Какой-то алогичный сон!

Зачем память обращается к другим людям, более серьезным и умным, к людям, которые были художниками, но продолжали наивно разрабатывать устаревшие темы, например проблему лишнего человека. Как это все далеко! И с удовольствием думаешь о том, что в наши дни ни одному литератору — ни старому, ни молодому не придет в голову вытаскивать из сундука пронафталиненного лишнего человека или что-либо в этом духе. Я не представляю себе сейчас литератора, который не чувствовал бы себя — сознательно или даже подсознательно — должником перед жизнью, который не видел бы многообразия и значительности событий, происходящих на его глазах. Новые герои и новые поступки появились в современных наших книгах: герои эти и их поступки взяты из настоящего.

Однако есть в нашей литературе одна беда, которую нам хочется назвать шестью общими понятиями. Это определение принадлежит великому Горькому. «Мне кажется», — говорил он одному советскому литератору, — что вам хочется писать о судьбе погоды, даже класса. Это плохо покажет не на каких-нибудь общих понятиях, — у наших писателей есть этот грех, — а на определенных, обыкновенных вещах... Смотрите, если будут у вас по книге подобные шестивые общие понятия, а не люди, не страсти — изругают и проклянут».

В частности, наши журналы нередко публикуют под видом рассказов такие вот общие понятия.

В четвертом номере «Красной нови», например, был напечатан рассказ А. Давуряна «Прохожий». В рассказе этом повествуется о том, как в степи стоял неотремонтированный полевой стан. Приехали колхозники ремонтировать и видят: «краснокожая железная лошадь, полусгнившая и расшатанная... стояла теперь крепкое и слаженное, наполненное из новых... досок и снабженное даже перьями...» Еще они увидели, что неземной кузнецкий топил и половыли, и зверя, и колодец, и кухню, и крышу. Кто же сделал ремонт? Оказывается, шел мимо неизвестный прохожий — плотник. Он натер себе ногу и остановился отдохнуть в пестрой избе. Увидел, что многие не в порядке, все сделал (три дня работал), затем ушел, оставив записку со словами... «Не выйдите, если не угодил»...

Почему, несмотря на благие намерения автора, к тому же в других вещах показавшего себя способным литератором (об этом говорит его ранние рассказы, печатавшиеся много лет назад в Сибири) — почему этот рассказ хочется изругать? А потому, что в нем нет ничего, кроме победного шествия общих понятий. В данном случае это понятие — чувство коллективности, жизнь не только для себя, но и для других. Существует ли это чувство в нашем быту? Конечно! Жизнь есть множество примеров, гораздо более убедительных и ярких. Почему же рассказ Ал. Давуряна фальшив и лопнет? Потому, что автор взял готовое понятие и ничего с ним не сделал. Нет ни характера, ни мысли этого прохожего. Автор не показал, кто он, почему он был способен на такой прекрасный поступок, как он дошел до таких высот мышления и чувства? В «Опыте жить» Дидро говорит: «К чему тебе растирать свои краски, брать кисти, исчерпывать все возможности своего искусства, если ты меня меньше трогал бы, чем газет».

В наши дни заметка о таком факте, прочитанная в газете, трогает и поучает, а иной рассказ о возможном случае не только не трогает и не поучает, но, наоборот, отталкивает своей неубедительностью.

В последних книгах журнала «Знамя» напечатаны «Рассказы о боях» и «Депутат» С. Ващенко.

Известно, что любя Красную Армию и горячо желая защитить свою страну, многие красноармейцы просят оставить их на сверхсрочной службе. Ващенко рассказывает об этом красноармейце. Красноармеец этот по фамилии Игнатен, слышал, как лейтенант спросил его товарища, красноармейца Пастухова: «...почему вы вам не пойти... в военное училище? Игнатен горчился, что лейтенант не обратил внимания на вопрос и к нему. Игнатен раздражен, ворчит на товарищей, но когда лейтенант собирается уходить домой, сообщает ему: «Я остаюсь на сверхсрочку». Вот и весь рассказ. Кто такой этот Игнатен, кто руководит им в его желании? Увы, Ващенко не затрунует себя ничем, ни описанием внешности людей (долговязый — и все!), ни мыслями их, ни переживаниями. Автор почему-то уверен, что, имея благие намерения, можно изжорю и неряшливо печь неудоварианные суррогаты. Достаточно привести отрывок из беседы двух красноармейцев, чтобы читатель поверил вам, что рассказ «Испытание» очень плох.

«...эти сурововские пенне переходы давно устарели. Авось, у нас машин хватит»...

«Хо! Хо! Да ты никак стал полониником того английского генерала, о котором нам рассказывал лейтенант»...

«Не плохо!»

«Хо! Хо! Ты, друг, опоздал...»

кайт, что наши красноармейцы — люди образованные, и заставляете их говорить логично, писарским языком.

Передо мной с возмущением и восторгом узнаю о блестящих подвигах наших красноармейцев и командиров, пресекающих всякое движение врага, пытающегося отнять часть нашей земли. В эти дни вся страна с чувством гордости и великой любви к Красной Армии читала краткие строки об ударе, который был нанесен японским провокатором. Враг отброшен назад с крупными для него потерями. Хочется скорее узнать имена победивших красноармейцев, чтобы уже никогда не забыть тех, кто отдал свою жизнь родине и революции. Как много мог бы поведать литератор, знавший сюжеты из жизни Красной Армии, о характере и поступках людей, защищающих на Дальнем Востоке нашу страну и наш труд. Поэтому мы были благодарны С. Ликовскому, которому удалось кое-что рассказать о нашей армии в «Латротах». В его повести, хотя и во многом несовершенной, были именно те определенные, обыкновенные вещи, о которых говорил Горький. Жизнь в Красной Армии полна событий, а Ващенко в своих рассказах доказывает, что красноармейцы хорошо стреляют («Человек и винтовка»), что они справляются с полученными заданиями («В пургу»). Кому нужно доказывать явные вещи? И грустно, что герои Ващенко совершенно не думают, не размышляют. Его персонажи агонизируют, совершающие наивные всем поступки, но не люди. Жизнь никогда не бывает так бездумна и абстрактна. Автору нечего было сказать, когда он сел сочинять свои рассказы. Не знал жизни, которую ваял описать, он сочинил нечто общинно-неживое, ложно-правдоподобное. А сколько беззастенчиво и штампово в рассказе «Депутат!» Секретарша, конечно, читает Фарера и поднимается, «как взбешенная львица», а депутат, конечно, все знает и уютливо показывает свою универсальную образованность: «А Фарер? — воскликнул он. — А вы знаете, между прочим, что все это совершенно не похоже ни на современного Китая, ни на Восток. Я бы вам рекомендовал...» И только извозчик не говорит, как профессор, по от этого не легче, так как Ващенко сле-

дал его речь нестерпимо сусальной: «Сегодня», — говорит он случайному пассажиру, — жут нашего юркого вальдята товарища Стрельцова... Гляди, со святой предет, нахось, Герой Советского Союза!»

Не имея места для подробного разбора других рассказов из опубликованного Ващенко цикла, остановимся на рассказе «Депутат». Здесь все ложно, от начала и до конца. Начинается «Депутат» с того, что... «В эту ночь Стрельцов долго не мог заснуть». Жена спрашивает, почему он не спит.

«— Тебя так заволновала телеграмма?»

— А ты как думаешь.

— Ну, так что ж! Ты там родился. Они хотят выбрать тебя. Ты — Герой Советского Союза.

— Все это так. Но ты понимаешь... Какое-то удивительное состояние. Сегодня я еще раз переделал свою жизнь...»

Что человек, выдвигаемый в депутаты, испытывает чувство волнения, это мы знаем и без Ващенко. Однако покажите, что именно чувствует ваш герой, как он волнуется, о чем думает? Этого нет. Просто сказано, что он не спит всю ночь. Самое легкое! Не спит всю ночь — и готово! Потом герой, глядя на карту Китая, вспоминает своего друга, китайского летчика Фан-Джо-Лина. Он признается (говоря сам с собой, что, разумеется, неправда) длянейший монолог, вернее, обращается к воображаемому собеседнику:

«— Я просто восхищен вами, милейший Фан-Джо-Лин...» и так далее.

Опять книжный, вежливый надувательный язык с «милейшими» и прочим. Разговаривая сам с собой, герой говорит медленно, растягивая слова. Товарищ Ващенко, подумайте, и вы сами убедитесь, как это все неправдоподобно. Ваш будущий депутат едет в родной город инкогнито, вроде Гарун-Рашида или ревизора. Он увидел «рыжеборлого извозчика», тот «удивительно возразил (?)» на него, когда на вопрос «Була ехать?» Стрельцов сказал ему:

«— А мы так, посидим по ушам».

Извозчик, разумеется, оказался сверх-

сознательным гражданином и в месте в карьер начинает рассказывать незнаемому пассажиру длинную историю, перечисляя все неполадки административного аппарата города. Все верно, все гладко, детально изучено. Закончив разговор о бюрократизме, исчерпан, так сказать, все темы, герой рассказывает соекажания о дружбе. Он входит в испокон и убеждается в правоте извозчика. Все ужасные беды описаны в одном лице, разумеется, в молоденького секретарше (белые молоденькие обалтанные секретарши), которая читает Фарера, смотрит «зловеще», «отравляет» и вообще похожа на «взбешенную львицу». Правда, на минуту появляется председатель и говорит: «Ах, мне некогда». Показав попутно свою образованность, герой мчится дальше. Маленькие действия героя неизвестны. Затем следует критический эпизод с приветствиями. Все узнают — незнакомки оказались капитаном Председателем и секретарша поспешила, а извозчик на собрании громче всех кричит «ура».

Не только частности ложны в этом рассказе, — фальшива вся схема. Есть такое противное слово у некоторых

МЫСЛИ О РЕДАКТОРАХ

Опыт одного заседания

1. О РЕДАКТИРОВАНИИ БЕЛЛЕТРИСТИКИ

В директорат Третьяковской галлерии или, допустим, такой-то выставки живописи и скульптуры приходит художник с предложением приобрести у него или принести в качестве экспоната такую-то картину произведения.

Каков может быть ответ на подобного рода предложения?

Либо положительный, либо отрицательный. Теоретически возможен впрочем еще и третий вариант. Компетентное жюри может указать художнику на какую-нибудь неучастную деталь в его произведении, и, если мастер с этим указанием согласится, он, быть может, то или иное в своем произведении исправит. Бывает ли так на практике, мне неизвестно, и вариант этот, повторю, представляется мне чисто теоретическим.

А возможно ли так: предлагаемому картину оценивает компетентное жюри, признает ее талантливой, интересной, но нуждающейся в коренной переработке. От художника категорически требуют все эти переделки выполнить. А затем ему заявляют:

— Ваша роль окончена. Далеко не все нас еще и сейчас удовлетворяет, но вы не беспокойтесь: у нас в штате есть несколько искусствоведов, и они сами внесут все дальнейшие исправления.

Художник приходит в замешательство: — Позвольте, но ведь я в некотором роде автор...

— Совершенно верно, — успокаивают его, — вот вы и получите гонорар. А исправит вашу картину все-таки штатные искусствоведы.

— Но уж если это неизбежно, то почему однако искусствоведы? Почему не кто-нибудь из художников, хотя бы из тех же членов жюри?

— Что вы, что вы! Есть им время заниматься подобными делами.

Такой вариант, конечно, совершенно немыслим, как ясно видеть.

Да, он невозможен применительно к живописи, к скульптуре, к музыке. Но применительно к художественной литературе он мало сказать — возможен, он представляет собой норму ее фактического бытия.

Простым процессом продолжения беллетристической рукописи от авторского стола до книжной полки. При этом, в качестве типичного случая, возьмем рукопись рядового автора, не метра, с одной стороны, не дебютанта — с другой.

Рукопись поступает либо в одно из двух наших издательств (Гослитиздат и «Советский писатель»), либо в редакцию одного из тольских журналов. Создается для нее (мысленно и условно) благоприятные шансы: она попадает в руки компетентного, опытного писателя и удостоивается общей положительной оценки. Что дальше?

А дальше, как по нотам, и размыривается та самая нелепость, о которой мы выше говорили. Роль компетентного писателя ограничивается общим обозрением, в общем же указанием на необходимые исправления. Затем в автору предлагается вариант, который и ведет процесс до его завершения.

Кто этот редактор?

Либо в виде ретчайшего исключения — писатель-художник. Как правило же — это штатный литературовед, или литературный правщик.

Если бы составил сборник примеров разного рода «литературных правок», то я думаю, подучился бы книга столь же смешная, как и злобная. Это было бы то же, что курс оперативной хирургии, написанный санитаром или фельдшером.

Прежде всего — самая обязанность «правщика» противоположна, как была бы противоположна должностная штатного исправителя картин при картинной галерее. Он должен править, и поему с самого же начала ему кажется, что все «весьма» надо переписать или «сочинить», а все «очень» — на «весьма». То есть сам он, почему-либо не знает, представляется ему, вообще говоря, сомнительным и едва ли нужным. Свои собственные привычные неправоты и неточности устной и письменной речи представляет ему императивной нормой, и соответственно, правильные обороты — промахи.

Я отнюдь не фантазирую, не шаржирую, и только подмечая свои и моих товарищей конкретные наблюдения. Автор пишет, что герой его колебался, которую из двух пар сапог подарить сыну и которую «яку». Редактор исправляет «которому» на «какому». Когда автор ссылается на Пушкина: «Сказки: которая Татьяна?», то в ответ он получает: «ну, то в стихах, то дело другое». В одном случае, когда автор было упомянуто на какое-то его стихотворение безаказно, а он вылезал из указанного примерами на Тургенева и Пушкина, ему резонно возражают: — К чему нам повторять ошибки классиков?

В архаизированном (по заданию своему) произведении автор употребляет глагол «воротился» (который всегда употребляли Пушкин, Герцен, Толстой); редактор зачеркивает и пишет: «вернулся». В уста своего персонажа-попа автор вкладывает два-три церковно-славянских речения; редактору они незнакомы и он их зачеркивает. Автор употребляет в одном случае глагол «обрусить». Редактор (он же виднейший работник в отделе современной художественной литературы крупнейшего издательства от него фактически авансир судьба рукописи) подчеркивает это незнакомое ему слово и на полях мужественно ставит знак вопроса. Автор пишет, что у его героини рыдания колыхали

Дискуссионной статьей тов. Дермана редакция «Литературной газеты» открывает обсуждение вопроса о редактировании художественных произведений и критических статей.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОТВЕТСТВЕННОСТЬ

В предыдущем номере нашей газеты мы писали о политических ошибках в аннотациях т. Диффиша в составленном им сборнике «Ленин о культуре и искусстве».

Изюм издала этот сборник слишком медленно. Издательство «Искусство» провело столько же торопливости, сколько политической безответственности, выпустил такой же «сборник». Изюм выпустил сборник два года, а «Искусство»... 2 месяца. «Изюм» ничего не улучшил в сборнике своей медлительностью, зато и издательство «Искусство» в спешке сборник составило неудачно, небрежно, легкомысленно.

Во-первых, сборник безответственно на кого рассчитан.

Во-вторых, расположение материала непродуктивно и случайно.

В-третьих, ленинского материала слишком мало — всего... 96 страниц (вводная статья — 21 страница и воспоминания — 72 стр.); таким образом получается скорее

грудь; правщик омушено подчеркивает: натурализм.

Но все это — совершенные мелочи по сравнению с теми крупными правками, демонстрировать которые в газетной статье не представляется возможным из-за недостатка места. Общая тенденция всех таких правок, как это и не может быть иначе — приведение образа, положения, ситуации к привычной этнической серости. Я говорю: «как это не может быть иначе» — без малейшей угрозы по адресу редакторов и литературных правщиков. Ведь тот факт, что катехизисом правщика являются все-таки этимология и привычные, т. е. рутинные литературные приемы, едва ли будет кем-либо оспариваться. Ведь не художники и даже не видные литературоведы занимаются у нас в издательствах и редакциях журналов подготовкой рукописи к печати.

Что же получается в результате? Получается, во-первых, искусственное обесчеловечивание рукописи, приведение ее к какому-то шаблонному «колхозу» знаменательности, к шаблонной шпильчатости.

Получается, во-вторых, предельная практика искусственной задержки в развитии писательской оригинальности, свежести, свежести, новизны, индигнальности.

Ведь представить только себе, что молодой Толстой с его корявой неуклюжестью; молодой Гоголь с его безудержным гиперболизмом; молодой Герцен с его стилистическим буйством; молодой Лесков с его фантастической словесной изобретательностью; молодой Достоевский с его амебной явкой простотой, — что они попадают в «правку» к штатным редакторам... Каков обычный урожай всякого рода «промахов», «неправильностей» и вообще отступлений от «нормы»!

«Редкая птица долетит до середины Днепра». Позвольте, любезный правщик, переименуйте через него подмычку. «Плыви!» Ему нет равной реки в мире». Позвольте: Днепр является по длине пятнадцатой рекой. Так и напишем: «плыви», всего четырнадцать рек в мире превышают его по длине. Не будем вводить в заблуждение нашего читателя. Я снова подчеркиваю: здесь нет никакой карикатуры. Автор, употребляя самый обычный прием литературной гиперболы, пишет о своем герое, что он был «самый несчастный человек в уезде». Редактор властно исправляет: «один из самых несчастных людей». И резонно: ведь автор не произвел ни одного точного обследования населения всего уезда.

Я слышу полный сарказм «отвод»: к чему эти претенциозные ссылки на Голя, Толстого, Достоевского, когда речь идет об Иванове и Степанове?

Это обычный прием чиновников от литературы. Свообразие, оригинальность, нарушение этнического шаблона в какой-то степени есть свойство каждого подлинного художника, потому что оно-то и составляет самое ядро дарования. И мало ли оно или велико по размерам, — все равно ему грозит опасность угодить под жесткую литературную правку. Ведь и на выставках картин представляют свои полотна не одни лишь Ренины, Суриковы и Левитаны, тем не менее штатные искусствоведы их не «правят».

Что же нужно? — спросит читатель. Несерьезный ответ на этот вопрос может дать лишь тщательное коллективное обозрение его в прессе и в литературных организациях. Но вот что приходит в голову на первых порах.

Прежде всего необходимо установить совершенно незыблемое положение: никакие изменения в рукописи беллетристического произведения не могут быть сделаны без согласия автора.

Затем: редактор беллетристического произведения, как правило, должен быть писатель-беллетрист высокой квалификации. Ссылка на досудный виднейших наших писателей подлежит решительному отводу. Редактирование беллетристических произведений занимались в апогее своей славы Некрасов и Шеллин, и Чехов, и Горький, и Короленко — не так будет ваяться и олимпийским и нашим советским писателям и критикам. Я знаю, что некоторые из них сейчас читают рукописи, но редактирование уже одобренной рукописи они перерабатывают, как правило, в руки литературного правщика и таким образом лишь укрепляют своим авторитетом очевидную нелепость: работник низкой квалификации «исправляет» рукопись автора более высокой квалификации.

Здесь же необходимо попутно ответить и на тот вопрос, который, естественно, возникнет у многих читателей: какое место должно быть уделено критике и литературоведению в сложном процессе редактирования художественной литературы.

Я бы сказал, что, если не говорить об исключениях, т. е. о тех виднейших критиках и литературоведах, которые зарекомендовали себя чутким отношением к рукописи и умелой работой над ней, то все должно быть как раз наоборот. Мне кажется, гораздо естественнее, если первая общая оценка произведения и общая его критика будет отдана литературоведу и критику, а шпильковку уже принять на себя органического редактора, поручить писателю-художнику, т. е. мастеру того же дела, что и автор: он лучше поймет друг друга, здесь меньше будет риска, слишком резкого и, главное, чудовищного вторжения редакторского карандаша в самую плоть произведения.

А сверх того, самые ошибки в редакторской работе будут при этом порядке легче исправляемы. Вот лучший пример из практики последнего времени. В издательство поступила от молодого автора рукопись романа «Редкая птица» (критика) проект ее автор: не только не обратился в журнал и в альманах. И там и здесь рукопись одобрили, напечатали, и сейчас мы читаем возмущенные отзывы прессы об этом произведении. Теперь представляется, что та же рукопись, но уже одобренная и принятая редактором-художником, посту-

пила под нож того же издательского редактора-критика на предмет ее «шлифовки»... Едва ли мы тогда имели бы радость читать о ней такие же отзывы!

Третье: институт литературных правщиков необходимо совершенно упродеть. Исправление рукописи производит сам автор при постоянной консультации редактора.

2. О РЕДАКТИРОВАНИИ КРИТИКИ

Начну с конкретного случая. Как давно редакция «Литературного обозрения» предложила мне написать рецензию на книгу избранных произведений Шолом-Алейхема. С творчеством этого писателя я близко знаком, некогда переводил его и, совместно с Шолом-Алейхемом, в свое время редактировал русские переводы его сочинений, поэтому я охотно принял предложение.

Рецензия моя заключала в себе: 1) краткую характеристику творчества Шолом-Алейхема; 2) критику вступительной статьи т. Гурштейна и тому избранных произведений; 3) критику перевода, выполненный т. Шамбалом.

Через несколько дней после сдачи рукописи в редакцию мне оттуда позвонили, сообщили, что моя критика перевода очень ценна и интересна, но критика вступительной статьи вызывает такие-то и такие-то сомнения, и предложили внести в нее такие-то и такие-то изменения. Я отказался это сделать, после чего рецензия была мне возвращена, и я предложил ее редакция журнала «Книга и пролетарская революция». Здесь ее и напечатали, причем, перед самым выходом книжки журнала, как о совершенном факте, мне сообщили, что всю критику перевода в рецензии вычеркнули.

Для полной ясности добавлю, что в этой критике перевода, кроме указания нескольких конкретных промахов, мною был поставлен принципиальный вопрос о том, следует ли посмертным переводчикам классика считаться с его же авторизованными при жизни переводами в частности — с собственноручными авторскими купюрами в книгах его переводов. Я указывал на ряд обстоятельств, придающих принципиальное значение данному вопросу, рекомендую последний вниманию секции переводчиков при союзе советских писателей.

Обычно, когда автор критической статьи отстает в редакции ту или иную часть своего труда, на которую производились купюровки, ему указывают, что такое решение редакция «Заметьте» — редакции, а не определенного «имярека», — т. Розенталя, Альтмана, Гриса и т. д. У редакция «Заметьте» также и так на этот счет соображения.

Я думаю, грешный человек, что в 99 случаях из ста — это не более, как пыльная заголовочная индивидуальная волеизъявления. Уверен, что и в редакции «Лит. обозрение» не какой-то особенный коллективный разум обрек на казнь мою критику предисловия т. Гурштейна и даровал жизнь критике перевода, равно как не коллективный же разум предельно то же самое, но в обратном порядке, в «Книге и пролетарской революции».

Кажется, без чувства неловкости изложил я здесь этот мелкий эпизод, но мне кажется, что, как солнце в малой книге, в нем отразилась та система мелочной опеки со стороны редакций, которая глушит работу наших критиков. Ведь совершенно очевидно, что ампутиция в моей рецензии производилась не с принципиальной точки зрения. Ведь в обеих почетных редакциях сияют одинаково почтенные люди. Политическое мировоззрение их одинаково; принципиальные установки в области литературной критики одни и те же. Но по конкретным литературным явлениям мнения их различны, что и сказалося на судьбе моей рецензии.

А в таком случае, ярым с личными мнениями т. Розенталя и т. Альтмана, почему бы не ваять места скромному мнению Дермана? Тем более, что, как мы видели, одного половины своей, он бы опирался на мнения т. Розенталя, а другое — на мнение т. Альтмана.

В самом деле, почему редакторы наших критических журналов или критических отделов приводят отзывы различных критиков о конкретных явлениях литературы к своему знаменателю? Не проходит ни одного писательского собрания без сетований на то, что у нас нет интересных литературных дискуссий. Да и сами редакция критических журналов не устают повторять, что жаждут дискуссий.

Но откуда же вайть дискуссии, если т. Гриб, или т. Розенталь, или т. Альтман и т. д., — если каждый из них, составившись на «редакцию», в любой статье «составляет» все то, что расходится с его личным мнением, темная в этом, как будто, главное назначение редактора?

Результатом этого является то однообразное уныние, на которое жалуются читатели критических статей. Ведь идеальное номера журнала, с точки зрения такого редактора, была бы книжка, в которой все положительное статьи были бы написаны одним т. Грибом, одним т. Альтманом, одним т. Розенталем. — только бы бог ему времени дал достаточно. И добро бы, в самом деле, эти редакторы были такие уж Белинские да Чернышевские. А то ведь насколько: такие же литераторы, как и мы грешные.

Что же нужно? — и тут спросит читатель.

Тут дело простое. Нужно, чтобы журнал отражал разнообразие критических мнений о конкретных явлениях литературы. А для этого нужно, чтобы редактор создал себе тем, чем по сути дела он является, политическим руководителем и литературным организатором журнала, а отнюдь не папой римским, обладающим непогрешимостью судейши.

Тут дело простое. Нужно, чтобы журнал отражал разнообразие критических мнений о конкретных явлениях литературы. А для этого нужно, чтобы редактор создал себе тем, чем по сути дела он является, политическим руководителем и литературным организатором журнала, а отнюдь не папой римским, обладающим непогрешимостью судейши.

Он не отвечает своему названию. Читатели журнала «Газет» читали эту статью в прошлом году в № 8 журнала, по названию «Ленин и театр», что соответствовало содержанию статьи.

Л. Фрейдкина попросту изменила название старой статьи, кое-где заменила слово «театр» словом «искусство», выкинула 2-3 абзаца из старой статьи, добавила 2-3 новых абзаца, и... введение готово. Читал редактор П. Полунов вводную статью? Если бы читал, то заметил бы, что она не излагает взглядов Ленина на искусство и тем более не анализирует эти взгляды, и как вступление к сборнику не подходит.

Словно для того, чтобы «оправдать» извещение издательства, что материалы не всегда расположены в хронологическом порядке, составители расположили его вне всякого хронологического и логического порядка.

Печать спешки, торопливости, недопустимой небрежности лежит на этом сборнике. Издательство «Искусство» с удивительной политической безответственностью отнеслось к важнейшему делу.

А. ЛЬВОВ

На открытом заседании парткома ССП совместно с активом драматургов заслушан отчет парторга партгруппы драмсекции ♦ Выяснилось, что в секции плохо работали с начинающими авторами ♦ Театры принимают к постановке только пьесы известных авторов ♦ Партком предложил партгруппе совместно с бюро драмсекции привлечь лучших драматургов для помощи молодым, издавать для них книги по теории и практике драматургии.

Благодаря безрукости некоторых руководителем беспартийные писатели до самого последнего времени были далеки от партийной организации ССП. Старый партком не мог привести ни одного случая, когда писатели приходили бы в партком рассказать о своей работе, о своих замыслах. Их общественная работа, их литературная деятельность «не были предусмотрены календарным планом».

Но вот к руководству партийной организацией пришли новые люди, и оказалось, что в союзе писателей есть все возможности для широкого развертывания работы. Нужно только захотеть по-большинству проявить инициативу, и писатель придет в партийный комитет с волнующими его вопросами.

Как работает с начинающими драматургами драмсекция союза писателей?

Удовлетворяет ли существующая система консультаций и как ее нужно изменить? Кто должен читать пьесы начинающих авторов? Кто должен сделать, чтобы проявились пьесы молодых способных драматургов на сцену?

Это далеко не полный перечень вопросов, обсуждавшихся на недавнем открытом заседании партийного комитета союза советских писателей. Постановка этих вопросов — ценный почин парткома. До сих пор работа с молодыми была передована людям, в большинстве своем литературно неактивным, и производилась канцелярским путем. Между тем работа с начинающим писателем — дело первостепенной политической важности. Речь идет о воспитании нового поколения советских писателей.

Партийный комитет пригласил на заседание большую группу беспартийных драматургов. И вопросы, поставленные на парткоме, их живо заинтересовали.

С основными докладом о работе партгруппы драмсекции с начинающими выступил т. Колков. Доклад этот показал, что партгруппа работает очень плохо, не выполняет своей авангардной роли. Партгруппа не пошла политического значения работы с начинающими авторами, и поэтому партком признал ее работу в этом отношении неудовлетворительной.

277 пьес поступило в драмсекцию в прошедшем году, — говорит т. Колков. Подлежащее большинство пишущих — студенты, учителя, работники изовой печати. Комиссия драмсекции по работе с начинающими, руководимая т. Файко, располагает списком на 49 молодых драматургов. Пьесы этих товарищей, бесспорно, представляют интерес. Тов. Колков указал на ряд недостатков в работе с начинающими. Драмсекция не связана с театрами, она не умеет бороться за пьесы, отставляет их даже тогда, когда считает эти пьесы хорошими. На крупных драматургов в драмсекции практическую помощь начинающим оказывают только т. Тренев и т. Файко, но они перегружены чуждой зачастую бездарных рукописей, что мешает работе с талантливыми людьми. Драмсекция не сумела привлечь к работе с новым поколением писателей других крупных драматургов.

После краткого и малоинтересного доклада т. Колкова с докладом выступил т. Б. Левин. Тов. Левин подверг резкой критике работу драмсекции с молодыми. Квалификация товарищей, ведущих литконсультации, недостаточно высока. Большинство консультантов — тт. Вакс, Чама, Пельше, — по мнению т. Левина, сами нуждаются в том, чтобы над ними работали. Созоладчик предложил объединить

Очень важный вопрос, — говорил т. Сушков, — о так называемом самокоме. У нас много говорят о трате денег на рукописи графоманов, которые читать, мол, не нужно. Среди десятков тысяч рукописей, которые поступают в издательство, в личные почтовые ящики писателей и т. д., 99 проц. никогда и нигде не увидят печати. И все-таки преобладающее большинство этих произведений свалчивается о культурном росте людей в нашей стране.

Неудачным и странным были выступления работников драмсекции тт. Чернова и Вакса, пытавшихся убедить партком

консультацию и помощь начинающим, ведущую по секциям, в секретариате союза. «Если писатель хороший, — говорил т. Левин, — он сумеет разобиться в пьесе, сумеет понять, талантливы ли ее автор, даже не будучи драматургом».

Необходимо добиться, — говорил т. Вишневецкий, — постоянного контакта с Комитетом по делам искусств. Журнал «Театр» должен быть органом союза писателей, и тогда этот журнал сможет принести значительную пользу работе с начинающими драматургом.

Самое важное — добиться того, чтобы театры воспитывали драматургов. Большинство советских драматургов начинали в театре в содружестве с режиссером, с театральными коллективами. В последнее время в ряде театров наметилась вредная тенденция — ставить исключительно апробированные пьесы, принадлежащие уже известным авторам. Это свистельствует о нежелании театра по-настоящему работать с драматургами.

Тов. Вишневецкий справедливо критиковал докладчика, не рассказавшего парткому о чем пишут молодые драматурги, как обеспечен предстоящий сезон новыми пьесами.

Тов. Фадеев говорил о необходимости привлечь к работе с литературной молодежью широкий писательский актив. Не обязательно каждую пьесу, присланную в союз, обсуждать на драмсекции. Важно установить такой порядок, при котором все действительно яркие, талантливые подвергаются бы общественному обсуждению в писательской среде, получало бы поддержку, провозглашено в театр. И таких произведений у нас немало. Нужно только уметь их найти. Но нужно решительно и твердо освобождаться от балласта, от людей, не занимающихся по-настоящему литературным трудом.

Систему консультаций, работу с начинающими надо упростить, сделать более демократической. Бела состояла в том, что консультации осуществлялись канцелярско-бюрократическим путем, что к нам ближему делу советской литературы не принадлежали авторитетные писатели.

Тов. Погодин рассказал интересный случай из собственной практики работы с начинающими. Нижегород Суюнина написал пьесу, несомненно пригодную для постановки в театре. После четырех месяцев работы над пьесой, исправлений, переделок выяснилось, что пьесу невозможно устроить в театре. Театр с превеликой осторожностью относится к авторам, не имеющим имени. Политика многих театров заключается в том, чтобы брать на себя как можно меньше ответственности. Среди тысячи людей, пробующих свое перо в драматургии, несомненно имеются одаренные молодые авторы, которым нужно открыть дорогу в театр. Необходимо организовать наиболее квалифицированных советских драматургов.

Очень важный вопрос, — говорил т. Сушков, — о так называемом самокоме. У нас много говорят о трате денег на рукописи графоманов, которые читать, мол, не нужно. Среди десятков тысяч рукописей, которые поступают в издательство, в личные почтовые ящики писателей и т. д., 99 проц. никогда и нигде не увидят печати. И все-таки преобладающее большинство этих произведений свалчивается о культурном росте людей в нашей стране.

Неудачным и странным были выступления работников драмсекции тт. Чернова и Вакса, пытавшихся убедить партком

Партийный комитет обратил внимание партгруппы и бюро драмсекции на необходимость организовать дружную коллективную творческую работу всех членов секции.

Разумеется, открытое заседание партийного комитета — это только начало большой работы, которой надлежит заняться парткому. Еще много должно быть проявлено большевикской инициативы для того, чтобы найти основные звенья работы.

Впечатления о Чехословакии

Доклад

А. Фадеева

1 августа на открытом собрании партийной организации союза советских писателей был заслушан доклад А. Фадеева о его поездке в Чехословакию.

Кратко обрисовав внешнеполитическое и внутриполитическое положение страны, А. Фадеев поделился своими впечатлениями о посещении Судетской области, пограничных районов, Словакии, встречах с писателями, деятелями искусства, рядовыми бойками и офицерами.

— Народ Чехословакии, — говорит А. Фадеев, — высокопатриотичен. Он гордится самоотверженно защищать независимость своей республики.

Бойцы, с которыми встречался тов. Фадеев, производят отличное впечатление. В них нет и тени страха, ни намека на подавленность и покорность. К тому же это квалифицированные бойцы, и вытовки в их руках отнюдь не декоративное украшение.

Трудовое население Чехословакии любит Советский Союз. Все русское пользуется особым почетом.

И в столичных и в провинциальных театрах ставятся пьесы А. Корнейчука, В. Вишневецкого, Н. Погодина. С огромным успехом демонстрируется сейчас наш кинофильм «Беллет парус одинокий».

Популярны в стране переводческие на чешский язык произведения советских писателей: «Хлеб» А. Толстого, «Беллет парус одинокий» В. Катаева, «На Востоке» П. Павленко. Переводится сейчас «Я, сын трудового народа» В. Катаева.

Но вне конкуренции в Чехословакии наша советская песня. Ее поют во всей стране. По этому поводу товарищ Фадеев рассказывает следующий факт:

— Мне пришлось ехать в поезд, на полном антифашистскими работниками, направлявшимся в город Либерец на ежегодный праздник «День культуры». В первый момент мне показалось, что я еду в нашем советском поезде, и не в чехословацкие Либерец, а в наши подмосков-

тый создатель футуризма, ныне верный слуга фашизма Мариетти. Делегация писателей республиканской Испании, узнав о таком госте, заявила: «Если Мариетти будет присутствовать на конгрессе, мы поставим на обсуждение вопрос о бомбардировке итальянской авиацией беззащитных городов Испании». Назревал скандал.

Чехословацкие писатели раз'яснили посланцу фашизма неудовольствие его пребывания на конгрессе, и он... испарился.

Этот факт и факт избрания в президиум представителя Китая свидетельствовали о том, что под влиянием демократических писателей антифашистские настроения проникли в эту мертвенную и аморфную организацию — пен-клуб.

На конгрессе присутствовал Уэльс — горячий сторонник «независимости» писателя от политики. Когда внесли резолюцию, осуждающую антисемитизм, Уэльс всляксы возразил против нее. Но против Уэльса выступил французский писатель Жюль Ромэн и, несмотря на вес авторитет Уэльса в пен-клубах, основателем которых он является, конгресс большинством голосов принял резолюцию против антисемитизма, несколько смягчив ее.

Фашистский террор может убить творца, но не может заставить его творить так, как это хотелось бы фашизму. Это очевидно понимают лучшие, передовые деятели искусства. Чехословацкие писатели в результате последних событий стали острее видеть. В этом отношении характерен путь поэта Незвала. Это талантливый поэт. Он был организатором сорреализма в Чехословакии. В продолжении ряда лет он не замечал реакционности этой организации. Сейчас он понял всю контрреволюционно-троцкистскую подоплеку сорреализма, вышел из организации и выступил против сорреалистов.

Заключительную часть доклада тов. Фадеев посвятил вопросам архитектуры и кино Чехословакии.

— Огромное большинство трудовой интеллигенции, — говорит тов. Фадеев, — настроено антифашистски, отлично понимает последние события стали острее видеть. В этом отношении характерен путь поэта Незвала. Это талантливый поэт. Он был организатором сорреализма в Чехословакии. В продолжении ряда лет он не замечал реакционности этой организации. Сейчас он понял всю контрреволюционно-троцкистскую подоплеку сорреализма, вышел из организации и выступил против сорреалистов.

Заключительную часть доклада тов. Фадеев посвятил вопросам архитектуры и кино Чехословакии.

— Огромное большинство трудовой интеллигенции, — говорит тов. Фадеев, — настроено антифашистски, отлично понимает последние события стали острее видеть. В этом отношении характерен путь поэта Незвала. Это талантливый поэт. Он был организатором сорреализма в Чехословакии. В продолжении ряда лет он не замечал реакционности этой организации. Сейчас он понял всю контрреволюционно-троцкистскую подоплеку сорреализма, вышел из организации и выступил против сорреалистов.

ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

РАССКАЗ

Во двор московского Экономического института вышел молодой, но русский человек Назар Чагатаев. Он с удивлением острелся кругом, словно хотел опомниться от минувшего долгого времени. Здесь, по этому двору, он ходил несколько лет, и здесь прошла его юность, но он не жалеет о ней — он вздохнул теперь высоко, на гору своего ума, откуда виднее весь этот летний мир, нагретый вечерним отшумевшим солнцем.

По двору росла случайная трава, в углу стоял рундук для мусора, затем находился ветхий деревянный сарай и около него жила одинокая старая яблоня без всякого участка человека; подле этого дерева лежал самородный камень — весом пудов вверно в сто — неизвестно откуда, а еще далее выпило в землю железное колесо от локомотива девятнадцатого века.

Двор был пуст. Молодой человек шел на порог сарая и сосредоточился. Он получил в канцелярии института справку о защите дипломной работы, а самый диплом ему вышлют вскоре по почте. Больше он сюда не вернется, и он втайне прошлся со всеми вещными предметами, когда-нибудь они тоже станут живыми — сами по себе или посредством человека. Он обещал все ненужные дворовые вещи и потрогал их руками: он хотел почему-то, чтобы предметы запомнили его и полюбили. Но сам в это не верил. По детскому воспоминанию он знал, что после долгой разлуки странно и грустно видеть знакомое место: ты с ним еще связан сердцем, а непознанные предметы тебе уже забыты и не узнают, точно они прожили без тебя деятельно, счастливо жажая, а ты был один в своем чувстве и теперь стоишь перед ними жалким неизвестным существом.

За сараем рос старый сарай. Там сейчас ставили столы, проводили временный свет и делали разное убранство. Директор института назначил сегодня вечернее торжество для второго выпуска советских экономистов и инженеров.

Со двора своего учителя Назар Чагатаев пошел в общежитие, чтобы отдохнуть и переодеться для вечера. Он лег на свою кровать и нечаянно уснул — с тем опущенным внезапного телесного счастья, которое бывает лишь в молодости.

Позже, во время темного вечера, Чагатаев снова пришел в сарай Экономического института. Он надел свой хороший серый костюм, сбереженный в долгие студенческие годы, и побрелся перед ручным ламповым зеркалом. Все его имущество лежало под подушкой и в тумбочке около кровати. Чагатаев, уходя на вечер, с сожалением поглядывал во внутреннюю тумбу своего шкафа; скоро он забудет его, и запах одежды и тела Чагатаева навсегда исчезнет из этого деревянного ящика.

В общежитии жили студенты других вузов, поэтому Чагатаев отравился один. В саду играл оркестр, приглашенный из кинотеатра, столы были составлены в одну длинную очередь, и над ними горели прожекторные лампы, подвешенные электрическими нитями между деревьями. Летняя ночь стояла над головами собравшихся на свое торжество, на свое последнее свидание, и вся прелесть той ночи была в открытом и теплом пространстве, в тишине неба и растений.

Музыка играла. Молодые люди сидели за столами, готовые разойтись отсюда по окрестной земле, чтобы устроить там счастье — себе и всем людям. Скрипка музыканта иногда замирала, как удаленный, слабый голос.

Чагатаеву казалось, что это плачет человек за горизонтом, — может быть в той никому неизвестной стране, где он когда-то родился, где теперь живет или умерла его мать.

— Гольчатый! — сказал он вслух. — Что такое? — спросила его соседка, технолож.

— Ничего не значит, — объяснил Чагатаев. — Гольчатый — моя мать, горный птенец. Людей называют именами, когда они маленькие и похожи на все хорошее... Скрипка играла снова, ее голос не только жаловался, но и звал, потому что музыка всегда играет ради победы, даже когда она печальна.

Вскоре начались танцы, игры, обычное торжество молодежи. Чагатаев глядел на людей и в ночную природу: ему еще долго предстояло находиться в жизни, бороться с мученьем, работать и быть счастливым.

Что было наиболее неправильным и вредным в прошлой работе издательства? Полное отсутствие идеологического руководства. Главная редакция не работала над тематикой, не привлекала авторов к разработке актуальных проблем. Много ли книг выпущено издательством на тему о советских героях, о рабочем классе СССР, о наших колхозах? Нет у нас таких книг.

Издательство не боролось за партийность литературы, за поворот к современной тематике.

Как велась работа? Отдел, получивший свою долю бумаги, начинал комбинировать, на сколько листов заключать договоры; авторы представляли свои планы, готовые рукописи, и вот шел просмотр этих планов и рукописей. Руководствовались при этом не актуальностью той или иной темы, а размерами рукописей и сроками сдачи.

Доклад т. Большенникова, сделанный на активе, ярко проиллюстрировал это положение. Что мы слышали от докладчика, по-прежнему более часа? Какой-то поток цифр о нагонах бумаги, листов, миллионах отписок и т. д. и т. п. Конечно, т. Большенникову выпала трудная задача отчитываться за работу, которую вел не он. Но ведь же последней же отпиской в коллективе был т.

Чагатаев получил назначение на работу; ему нужно было уезжать на родину, в середине азиатской пустыни, где жила или жила давно умерла его мать. Чагатаев пропал оттуда мальчиком, пятнадцать лет тому назад. Старая мать его, туркменка Гольчатая, надела ему шапку-папуку, положила в сумку кусок старого чурька и еще добавила лепешку, испеченную из растертых корней камыша, катрана и армялка. Затем дала тростинку в руку, чтобы вместо старшего друга шло растение рядом. — и выехала оттуда.

— Ступай, Назар, — сказала она, не желая видеть его мертвым рядом с собой. — Если узнаешь отца своего, ты к нему не походи. Увидишь базары и богатство в Куна-Ургенче, в Ташауе, Хиве — ты туда не иди, ступай мимо всех, иди далеко к чужим. Пусть отец твой будет незнакомым человеком.

Маленький Назар не хотел уходить от матери. Он ей говорил, что привык умирать и больше не боится, что он мало будет есть. Но мать прогнала его.

— Нет, — говорила она. — Я уже так слаба, что любить тебя не могу, живи теперь один. Я забуду тебя.

Назар заплакал около матери. Он обнял одну ее худую холодную ногу и долго стоял, впившись в ослабевшее, привычное тело; небольшое сердце его стало тогда большим, оно сразу вдруг утомилось и было тяжело, как намокшее. Мальчик шел в шаль земли и сказал матери:

— Я тоже тебя забуду, я тоже тебя не люблю. Вы маленького человека кормить не можете, а когда умрете, то никого у вас не будет!

Он лег лицом вниз и заснул в сырости пыли и своего злына. Проснулся Назар в пустом степе. Мать ушла, с пустыни шел ничтожный, чужой ветер — без всякого запаха и без живого звука. Некоторое время мальчик сидел смиренно, он ел материнский чурек, оглаживая и жуя ту мысль, которую теперь, с возрастом, забыл. Перед ним была земля, где он родился и захотел жить. Та детская страна находилась в черной тени, где кончалась пустыня; из пустыни опускает свою землю в глубокую япуду, будто готовя себе погребение, и плоские горы, выходящие сухим ветром, загораживают то низкое место от небесного света, покрывая родину Чагатаева тьмой и тишиной. Лишь поздний свет доходит туда и освещает грустными сумками редкие травы на бедной, засоленной земле. Будто на ней выскокли слезы, по горе ее не прошло.

Назар стоял на краю темной земли, паршей вниз; далее начиналась песчаная пустыня, более счастливая и светлая. — и среди песчаных покойных бугров даже в это время, в тот исчезнувший детский день, ютился мелкий ветряк, бредущий и плачущий, изгнанный палатка. Мальчик прислушался к этому ветру и повел глазами за ним, чтобы увидеть его и быть с ним врозь, но не увидел ничего, и тогда он закрылся. Ветер пропал от него, никто не отозвался. Вдалеке наступала ночь: на темную япуду землю, откуда вывела его мать, уже легла тень и лишь кружилась бледный туман из кибиток и землянок, где прежде жила ребятенка. Назар в недоумении попробовал свои ноги и тело: есть ли он на свете, раз его никто теперь не помнит и не любит: ему нечего стало думать, будто он жил от себя и желания других близких людей, а сейчас их нет, и они прогнали его... Шершавый куст — брошена без ветра склонялась и перекачивалась по песку, уходя отсюда мимо. Куст был пыльный, усталый, еле живой от труда своей жизни и движения; он не

имел ничего — ни родных, ни близких и всегда удалялся прочь. Назар потрогал его ладонью и сказал ему: «Я пойду с тобой, одному мне скучно, — ты думай про меня что-нибудь, а я буду про тебя. А с ними я жить не хочу — они мне не велели, пускай сами умрут!» — и он погрозил тростинкой палкой на родину и забывшей ее матери.

Назар пошел за кустом перекачавшись и шел до самой тьмы. Во тьме он лег и уснул от слабости, трогая куст рукой, чтобы он остался с ним. Наутро он проснулся и сразу испугался, что нет с ним куста: он укатился ночью один. Назар хотел заплакать, но увидел, что куст перевалился сейчас на ветру ближнего песчаного холма, и мальчик легал его.

Родина и мать давно скрылись. — Пусть их забудет его сердце, пока оно растет. В тот день бредущий куст повел Назара до свечного пастуха, и пастух навоил мальчика и накормил, а куст его привязал к палке, чтобы он тоже отдохнул. Долгое время Назар ходил с пастухом, и жил у него, пока не выпал снег; тогда хозяин отпустил пастуха по делам в Чарджуй, потому что пастух стал слепнуть, и пастух отправился с мальчиком, а в городе отдал его советской власти.

Теперь прошли многие годы, но ничто не было забыто, и потерянная мать была такой же любимой, и для воспоминания о ней всегда будет сила в сердце, точно лето не прекратилось. Отна своего Чагатаева никогда не знал. Русский солдат хивинских экспедиционных войск Иван Чагатаев пропал прежде, чем родился Гольчатый, бывшая тогда молодой женой Кочмата, от которого она уже имела двоих маленьких детей: но дети от Кочмата умерли, когда Назар был в младенчестве, о них только говорила ему мать впоследствии, что они жили когда-то. Кочмат же был беглец и горадо старше своей жены: он жил тем, что ходил на бегбеге земли в Куна-Ургенч и в Ташауе — работать на хохарях, чтобы хоть в летнее время питать семейство хлебом. А в зимнее время он почти беспрерывно спал в землянке, вырытой у подножия Усть-Урта. Он берет свою немужскую силу, а Гольчатый же ждал с ним под одной комой: она тоже ждала и дремала в долгие зимы, чтобы меньше есть, а между ними ждали их дети, когда они были живы. Изредка Гольчатый выходила, добывая траву на пишу или шла заниматься батрачкой в Хиву... Отпавши в Хиве она не нашла работы: была в то время зима, богатые пили чай и ели баранину, а бедные ждали тепла и роста растений. Гольчатый ютился на базаре, ела кое-что, что оставалось на земле от торговцев, но побираться стыдился людей. На том хивинском базаре ее заметил солдат Иван Чагатаев и стал приносить ей каждый день казенную пишу в котелке. Гольчатый ела солдатский суп с говядиной на вечернем пустом базаре, а солдат попомому касался ей и отбегивал. Женщине советско было в ответ на угонение отругать человека; она молчала и не сопротивлялась. Она думала, чем отблагодарить и не было у нее ничего, кроме того, что родилось от природы. И солдат Чагатаев получил мелкую безвольную жену в обмен на еду в котелке...

Поезд давно покинул Москву: прошло уже несколько суток езды. Чагатаев стоял у окна, он узнавал те места, где он ходил в детстве, или они были другие, но похожие в точности. Такая же земля, пустынная и старческая, дует тот же детский ветер, шевеля скулистые вылиники, и пространство просторно и скучно, как унылая чуждая земля; Чагатаеву хотелось иногда выйти из поезда и пойти пешком, подобно оставленному всеми ребенку. Но детство и старое

время давно прошли. Он видел на степных маленьких станциях портрет Сталина: часто этот портрет был самодельный и приволеял где-нибудь к простому глиняному жилищу. С внешней стороны портрет вероятно мало походил на того, кого он изображал, но его присвала может быть, детская поверья рука и верное чувство. Художник, не думая, старался сделать лицо Сталина похожим и на себя, чтобы видно было, что он теперь живет не один на свете, и у него есть отцовство и родство, потому искусство становится сильнее неуверенности. И сейчас же за такой станцией можно видеть, как разные люди рыли землю, сажали что-то или строили, чтобы приготовить место жизни и приют для беспомощных. Порожих, незнакомых станций, где можно жить лишь в изгнании. Чагатаев не видел, везе человек работал, отходил серпом от векового отчаяния, от безотцовщины и всеобщего злобного беспомощства.

Он ходил далеко и теперь возвращается, он нашел отца в Сталине, человека, который выкорвал и вырастил его, расширил в нем сердце и теперь посылает снова домой, чтобы найти и спасти мать, если она жива, похоронить ее, если она лежит брошенной и мертвой на лице земли.

В одну ночь поезд остановился по неожиданному случаю в темной степи. Чагатаев вышел к двери в тамбук вагона. Было тихо, вдали сошел паровоз, пассажиры спали в покое. Вдур в степной темноте вскрикнула одна птичка, ее что-то напугало. Чагатаев вспомнил этот голос через многие годы, как будто его детство жалобно прокричало из безмолвной тьмы. Он прислушался: еще какая-то птица что-то быстро проговорила и умолкла, он тоже помнил ее голос, но сейчас забыл ее имя: может быть, пустынная славка, может быть, пестулька. Чагатаев вышел из вагона. Недалеко он заметил куст старинный и, дойдя до него, взял его за ветвь и сказал ему: «Здравствуй, куян-суяк!» Куян-суяк слегка пошевелился от прикосновения человека и опять остался как был, равнодушный и спящий.

Чагатаев отошел еще дальше. В степи что-то шевелилось и погныкивало. — Она казалась бесшумной лишь для отысканных ушей. Земля стала опускаться в низину, началась синяя высокая трава. Чагатаев с интересом вспоминал восток в траву, растения дрожали вокруг него, колеблемые силой, разные невидимые существа бежали от него прочь — кто на животе, кто на ногах, кто на низком полете: что у кого имелось, но спали из них лишь некоторые, далеко не все. У всякого было столько заботы, что дня, видимо, им хватало, — или им жалко было тратить краткую жизнь на сон, и они только что дремали, опустив плечу на полглаза, чтобы видеть хоть полжизни, слышать тьму и не помнить дневной нужды.

Забыв свое дело, Чагатаев почувствовал запах влаги: где-то вблизи было озеро или колодезь. Он направился туда и вскоре вошел в каку-то небольшую, важно растущую траву, похожую на маленькую русскую рошу. Газа Чагатаева притерпелась ко мраку, он видел теперь ясно. Затем начался камыш: когда Чагатаев вошел в него, то сразу закрылись, полетели и заерзали на месте все зеленые жители. В камышах было тепло. Животные и птицы не все исчезли от страха перед человеком, некоторые, суя по звукам и голосам, остались, где были. Они испугались настолько, что, ожидая гибели, спешили поскорее размножиться и насладиться. Чагатаев знал эти звуки изваян.

Поезд неслышно поехал. Чагатаев мог бы его догнать, но не поторонился; уехал лишь челоман с бельем, и то его можно получить обратно в Ташкенте. Он уснул в траве, среди спокойствия, прижавшись к земле, как прежде.

Через семь дней Чагатаев дошел до Ташкента ближайшей степной дорогой. Он явился в Центральный Комитет партии, где его уже давно ожидали, потому что родной народ Чагатаева, живший в пустыне около Усть-Урта, нуждался, чтобы все его дети вернулись к нему для помощи.

В издании Государственного издательства «Художественная литература» выходящая книга «Старые немецкие песни», составленная Арним и Брунсан. На слайке — фронтиспис «Чудесный рог юноши». Гравюра на дереве художника Полякова.

ЗА РУБЕЖОМ

XVI КОНГРЕСС ПЕН-КЛУБОВ

— Наш конгресс происходит в Праге. В июне 1938 года эти слова звучат достаточно красноречиво, — так начал свою речь Жюль Ромон, открывая XVI конгресс пен-клубов. Аудитория прервала слова Ромона громом рукоплесканий. Жюль Ромон, как председатель пен-клубов, открыто выражает горячее сочувствие немецким и австрийским писателям и ученым, испанским жемчужинам и детям, которые служат живой миссией для германских и итальянских бомбардировщиков, и приветствует готовность демократической Чехословакии к обороне. Единственный итальянец, прибывший на конгресс, — фашистский поэт Маринетта, был вынужден покинуть Прагу еще до открытия конгресса.

Конгресс пен-клубов единогласно принял резолюцию протеста против бомбардировок неазиатских городов в Испании и Китае, против преследования интеллигенции и травли евреев.

Две польские писательницы выступили от имени варшавского пен-клуба, возражая против принятия резолюции политического характера. Соответствовало ли это вальсирование их внутреннею убеждению или, быть может, оно было вызвано стремлением привлечь внимания польских властей к литературным вопросам, — неизвестно. Во всяком случае, доводы выступивших против них французских, английских, бельгийских, шведских, испанских и китайских делегатов так поддействовали на польских писательниц, что они сняли с голосования свое предложение и даже сами не голосовали против принятых резолюций.

На конгресс совершенно ясно определилось, в каком лагере находятся представители литературы 26 различных стран; писатели признали фашизм смертельным врагом всякой культуры и показали миру пример единения и твердой решимости обороняться. Этого факта нельзя недооценивать.

Конгресс был поворотным пунктом в истории пен-клубов, симптоматичным не только для устроения буржуазных писателей, но и для общественного мнения тех стран, откуда они прибыли.

Если рассматривать этот конгресс как своего рода барометр, то можно утверждать, что он предсказал фашизму плохую погоду.

НОВЫЙ НЕГРИТАНСКИЙ ТЕАТР

В негритянском квартале Нью-Йорка, Гарлем, недавно открылся новый театр. Международной рабочей организации (Организация по страхованию рабочих). Название этого театра «Сюитэйлз» — «Театр-челоманчик», так как вследствие скудости средств весь репертуар театра можно уподобить в челоман.

Декорация на сцене нет, зритель видит лишь голые площадки на фоне серых стен, вдоль которой свисает веревка — символ правового положения в стране, где любое собрание белых людей по любому поводу может казнить негра судом Лича.

— Мы стараемся, — говорит художественный руководитель «Сюитэйлз» Лейгстон Хьюз, — создать театр, который корнями своими уходит в варлорные массы. До сих пор театры Бродвея показывали либо негра-раба, либо отводили ему комические роли. Мы хотим показать, что негры могут хорошо играть и в пьесах, полных женственной правды. Жизнь американских негров — это богатый материал, который так и просятся на сцену. Мы совершенно не стремимся быть мрачными или трагическими, в нашем репертуаре будут и драмы, и комедии; основное наше желание — показать негра — живого человека.

Первая постановка театра — пьеса Лейгстона Хьюза «Разве вы не хотите свободы?». Это история негритянского народа в Америке. Перед зрителем пролетят картины доли негров в Африке, продажа их на невольничьих рынках Америки, гражданская война между Северными штатами и рабовладельческим Югом, и, наконец, картины, характеризующие положение негров в современной Америке.

Звук там-тама, ляг тяжелых цепей, свист бича, стоны измученных не могут заглушить криков протеста негритянского народа, отказывающегося повиноваться своим угнетателям-рабовладельцам. Этот протест не умолкает и до наших дней. В конце пьесы он сливается с воодушевленным криком негра, протягивающего руку белому рабочему, предлагает ему приступить к совместным действиям.

В пьесе играют не профессиональные актеры, а рядовые члены Международной рабочей организации. Быть может, именно поэтому игра их отличается непосредственностью и свежестью, которые редко можно увидеть на сценах Бродвея.

Иллюстрации художника Евг. Бургункера к выходящей в издании Государственного издательства «Художественная литература» книге «Рассказы» Амброз Бирса.

Гослитиздат должен работать по-новому

М. ЭССЕН

Большевики, а вот не сумел он дать анализа идеологической продукции, не сумел указать на достижения и ошибки в работе издательства. Весь отчет его свелся к бумажным ресурсам.

Ну, и что из этого? Как это ухитрились выпустить плохие книги, выпустить книги, в которых комментарии превышали в 2-3 раза размер авторского текста.

Сколько раз говорили о том, что сочинения Толстого издают неправильно, что надо изменить характер комментариев и сократить их размер. А было ли хоть одно совещание по этому вопросу главной редакции или сектора классиков с работниками, подготовляющими издание Толстого? Как работали отделы? Читали ли там по-настоящему те, что выпускали, или только штамповали?

Вспомните историю с книжкой проплектики Серебряковой о Марксе. Само собой разумеется, что, прежде чем издавать такую ответственную книгу, надо было хотя бы ознакомиться с ее содержанием. Когда обсуждался этот вопрос на партийном собрании, оказалось, что ни в главной редакции, ни в секторе современной литературы никто этой книжки не читал. Все от нее открепшилось.

Можно привести много примеров, как безучастно, чтобы не сказать больше, бывшее руководство Гослитиздата относилось к тому, что рад сотрудничать, занимавшимся у нас ответственными постами, оказались врагами народа. Существовала даже своеобразная теория, по которой полагалось смотреть сквозь пальцы на пребывание политически сомнительных людей в издательстве. Предполагалось, что здесь они не вредят, а только отсаживаются. Ну что, мол, в состоянии они

сделать в секторе классиков, в отделе современной литературы и т. п.? Оказывается, делали! Вредные книги выходили. Классиков выпускали с такими примечаниями и предисловиями, которые искажали их политический облик. Ухитрились искажать и самый текст.

Некоторые из разоблаченных врагов народа пользовались особым покровительством в издательстве. В угоду им нарушались советские законы. Такое же покровение было и при заключении договоров. Чем дальше стоял от нас писатель, тем легче прощали ему на себе пороки в кабинет директора, тем большие авансы он получал. Едва ли дело заключалось только в напористости этих писателей, в их развязности, хотя и это, несомненно, оказывало свое влияние.

Сейчас атмосфера расчистилась. Враги народа разоблачены. Но это можно было бы сделать гораздо раньше, если бы в руководстве издательства не царил такое тупое благодушие, такая самоуспокоенность. Но если враги изгнаны, то не следует думать, что все уже благополучно. Осталось их наследие, оно лежит в подготовленных к сдаче рукописях, в неужившихся договорах с мертвым капиталом. Новому руководству надо, засучив рукава, взяться сейчас же за чистку портфеля, пересмотреть все это наследие и решительно ликвидировать то, что было подсунуто врагами. Нынешнему руководству надо также по-новому поставить вопрос о работе с авторами, о редакционных кадрах. Это имеет огромное значение.

У нас чрезвычайно снижена роль редактора, который зачастую у писателя в чаше является писателем авторитетом. Писателя чаще можно видеть в договорном отделе, у вассы, чем за столом редактора. Да и ре-

Цветной фронтиспис художника В. Миллерова к выходящей в издании Государственного издательства «Художественная литература» книге А. Малышкина «Люди из закопуста».

КАЛМЫЦКИЙ ЭПОС «ДЖАНГАР»

Правительство Балмышской АССР и Гослитиздат предприняли перевод знаменитого калмыцкого эпоса «Джангар».

«Джангар» состоит из 12 песен, воспевающих надежды калмыцкого народа на освобождение от своих поработителей. В течение семи веков калмыцкий народ ревностно оберегал свой великий эпос, пронося его через все поколения бесчисленных опустошительных войн, переходя из уст в уста, из поколения в поколение. «Джангар» для калмыка стал своеобразной энциклопедией взглядов и упований. Трудно найти такого калмыка, который не знал бы небольшого отрывка из «Джангара» или не слышал его. И в минуты радости и в минуты горя он обращается к своему эпосу. Перед схваткой с врагом Джангарчи своими героическими песнями побуждал воинов. А в минуты тяжелых поражений свои песни пелись поднимали дух народа, восляли в него надежду и решимость к борьбе.

За последние два столетия перед революцией «Джангар» всегда напоминал забавному народу, создавшему его, о прекрасной привольной жизни и призывал к оружию, к борьбе.

Вполне понятно, что когда грянула гражданская война, Джангарчи, выразители чаяний народных, обратились к героям своего эпоса и учени их связали с именем несших им свободу волей Великой Октябрьской социалистической революции.

«Джангар» является поистине народным эпосом, а его герои — Джангар и Хонгор — воплощение всех лучших черт калмыцкого народа. Борьба за человеческое счастье, безаварная преданность родине, героизм, безграничный оптимизм, дружба — вот те черты, которыми щедро наделены герои поэмы. К восхвалению этих черт и сводится основное содержание «Джангара».

Все эти чувства близки народам нашей великой родины. И в этом залог того, что «Джангар» заслужит у них такую же любовь, какую получают «Витязь в тигровой шкуре» и «Слово о полку Игореве».

Начиная с 1856 года и до последнего времени было сделано много переводов на русский язык отдельных отрывков из «Джангара». Существуют переводы одной главы на французский и немецкий языки. Все русские и европейские ориенталисты считали «Джангар» замечательным, высокохудожественным произведением.

Выход в свет «Джангара» на русском языке будет праздником калмыцкой литературы и литературы всего многонационального Советского Союза.

БАТР БАСАНГОВ.

ВЫСТАВКА ПАМЯТИ М. Ф. АХУНДОВА

Весною наша публичная библиотека им. В. И. Ленина организовала чрезвычайно интересную и ценную выставку, посвященную памяти великого азербайджанского писателя, драматурга и философа Миран Фали Ахундова. Выставка организована в связи с 80-летием смерти великого писателя (1812—1878 г.).

Выставка состоит из 10 стэндов и 8 витрин, заполненных различными материалами. Вводным отделом к выставке является стэнд, на котором представлены древнейшие памятники материальной культуры Азербайджана: ханский дворец в Баку, крепостная стена в Дербенте, архитектурные детали мечети и пр. На втором стэнде мы видим фото дома, в котором родился Ахундов, и могилы его в Тбилиси.

На следующем стэнде — «Ахундов, как писатель» — афоризм Ахундова, воспевающий всю глубину его материалистического мировоззрения: «Мысль о том, — пишет Ахундов, — будто есть вечная и абсолютная сила, господствующая над всем, — ложна и выдуманна. Я признаю материю и ее внутреннее движение, без которого невозможно само развитие». Не фотографией здесь обращают внимание: амбар в г. Пузе, где впервые была показана пьеса Ахундова «Гаджи Кара», и тут же рядом великолепное здание советского Баку — Большой Государственный театр оперы и балета им. Ахундова.

Четвертый стэнд знакомит с высказываниями писателя о Ломоносове, Карамзине, Державине и Пушкине. Ахундов был пламенным поклонником Пушкина и в своей поэме на смерть великого поэта поднял гневный голос протеста против тирании Николая I.

Далее представлены высказывания тт. Ленина, Сталина, Молотова, Кирова и Орджоникидзе о росте культуры в Азербайджане, об улучшении благосостояния трудящихся и подеме их культурного уровня.

В витринах выставлены книги Ахундова, а также журнальные и газетные статьи об Ахундове.

Выставка должна заинтересовать не только товарищей, занимающихся азербайджанской литературой, но и всех интересующихся ростом литературы и искусства народов Советского Союза.

К. М.

ПРИЕМ НА ЛИТЕРАТУРНЫЕ ФАКУЛЬТЕТЫ ВУЗОВ

На литературно-лингвистические факультеты Московского историко-филологического-литературного института (ИФЛИ) и Ленинградского университета будет принято 490 человек...

В педагогические институты будет принято 3690 студентов, — на 1680 больше прошлого года.

1 августа начались приемные испытания на литературные факультеты московских вузов. Количество поданных заявлений на литературные факультеты значительно превышает число вакантных мест.

Закончились письменные испытания по русскому языку для первой очереди. На испытаниях были предложены следующие темы: «Вд. Маяковский — талантливый поэт нашей эпохи», «Образ Корчагина по роману Н. Островского «Как закалялась сталь»».

Закончились письменные испытания по русскому языку для первой очереди. На испытаниях были предложены следующие темы: «Вд. Маяковский — талантливый поэт нашей эпохи», «Образ Корчагина по роману Н. Островского «Как закалялась сталь»».

СОБРАНИЕ АКТИВА РАБОТНИКОВ КИНО

2 августа началось собрание актива Комитета по делам кинематографии. Собрание открылось докладом т. Дукельского.

В марте 1933 г. Совет Народных Комиссаров СССР дал четкую программу, как улучшить организацию выпуска кинокартин.

В разрабатываемом по докладу т. Дукельского проекте кинорегулирования подтвердилась деятельность Комитета суровой критикой.

Руководство Комитета не прислушивается к голосу низовых киноработников, не связано с общественностью и печатью.

Главный редактор Комитета т. Ф. Левин дал резкую оценку работе аппарата Комитета 15 фильмов из опубликованной тематического плана до сих пор не снимаются.

Отношения между Комитетом и режиссерами ухудшаются. Ни у работников Главного управления художественных фильмов, ни у т. Дукельского не чувствуется понимания режиссеров как творческих работников.

Отказ режиссера от постановки плохого сценария почему-то принято считать нарушением дисциплины.

От неумения руководства Комитета к творческим работникам говорили режиссеры М. Ромм, М. Донской и А. Мельванки.

Резкая критика, которой подверглись кинематографисты деятельностью Комитета по делам кинематографии, несомненно поможет руководству Комитета выполнять указания правительства об улучшении организации производства кинокартин.

ПОДГОТОВКА АНТОЛОГИИ ГРУЗИНСКОЙ ПОЭЗИИ

В союзе писателей Грузии под председательством секретаря ЦК КП(б)Г тов. К. Н. Чарквиани состоялось расширенное заседание секретариата союза писателей совместно с бригадой Гослитиздата.

С. Эули, Е. Домитонский, Б. Женти и другие. Секретарь ЦК КП(б)Г т. Чарквиани подчеркнул большое литературно-политическое значение антологий «Поэзия Грузии» и указал на необходимость закончить работу осенью текущего года.

Гослитиздат РСФСР к 20-летию комсомола выпускает сборник «Молодые поэты Грузии» (И. Абашидзе, Е. Абашидзе, А. Гомияшвили, Г. Качеджидзе). Стихи молодых поэтов Грузии переводятся т.т. Пастернаком, Тихоновым и Домитонским.

Гослитиздат РСФСР к 20-летию комсомола выпускает сборник «Молодые поэты Грузии» (И. Абашидзе, Е. Абашидзе, А. Гомияшвили, Г. Качеджидзе). Стихи молодых поэтов Грузии переводятся т.т. Пастернаком, Тихоновым и Домитонским.

Литературная газета

Орест Адамович Кипренский. Автопортрет. Карандашный рисунок.

ВЫСТАВКА О. А. КИПРЕНСКОГО

2 августа в Государственной Третьяковской галерее в Москве открылась выставка творчества талантливого русского портретиста начала XIX века Ореста Адамовича Кипренского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, тел. 2-20-95 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬ: Издательство «Советский писатель», Москва, Б. Гнездинский, 10.

Антикварно-букинистические каталоги

Пионером в издании антикварно-букинистических каталогов был петербургский книгопродавец-антиквар М. Николаев, вышедший в 1850 г. в первый раз в России, каталог антикварных книг.

Опыт Николаева вызвал подражание других петербургских антикваров и букинистов. Три выпуска каталогов в 1850—1853 гг. издал А. Иванов, семь в 1853—1857 гг. — М. Г. Мартынов.

На первом месте по количеству изданных каталогов стоит петербургский книгопродавец В. И. Ключков, который с 1855 г. в течение 30 лет выпустил 576 каталогов.

Исключительным изданием и даже рукописью отличился каталог (четыре выпуска), изданные Э. К. Гартне в 1856—1858 гг. Особенно интересен каталог, в котором включено описание редкой французской библиотеки петербургского пастора Кроте.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

в них разного рода ценных изданий. Всего в Москве с 1851 по 1916 г. двадцать три книгопродавцами издано 313 каталогов.

Помимо столичных антикваров и букинистов, выпускали свои каталоги и провинциальные — в Казане, Воронеже, Екатеринбурге, Тамбове, Саратове, И. Новоросе, Казани, Тифлисе, Новоросерске, Одессе.

Количество всевозможных книг, зарегистрированных в этих каталогах, огромно. Библиографическая ценность большинства каталогов бесспорна.

Советская торговля антикварной и букинистической книгой насчитывает уже много лет. Между тем за все время ее существования каталогов старой книги издано паразитически мало.

Организации, ведущие торговлю антикварной и букинистической книгой, совершенно не учитывают того культурного значения, которое имеют каталоги для покупателя и для книгопродавца.

Как на родине книги в этой области можно указать лишь на такие оправдания, изданные в прошлом году Могизом: перечень собраний сочинений русских и иностранных писателей в дореволюционных изданиях и указатель дореволюционных изданий словарей и энциклопедий.

Слишком мало!

Н. АШУКИН

«РУССКАЯ СТАРИННАЯ ПОВЕСТЬ»

30-е годы XIX столетия были временем расцвета русской повести. Они заполняют отдельные «русской словесности» в журналах, издаются отдельными книгами и альманахами.

Из лучших образцов этой давно забытой повести составляет большую сборник «Русская повесть 20-30-х гг.»

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

Московский каталог начался также в 80-х годах, но протекла значительно слабее петербургского.

Всего в Петербурге в 1870—1917 г. было издано пятьдесят два антикварных-букинистических каталога.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, тел. 2-20-95 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬ: Издательство «Советский писатель», Москва, Б. Гнездинский, 10.

— В Тбилиси в издательстве «Федерация» на грузинском языке выходит одно-томник избранных лирических стихотворений Г. Гейне в переводе Х. Вардошвили.

— Союз советских писателей и Управление по делам искусств при Совнаркоме Карелии объявили конкурс на лучший пьесу. Срок конкурса — 1 января 1939 г.

— Миллеровский литературный кружок при редакции газеты «Большевистский путь» за полгода выпустил 4 литстаницы, провел 13 творческих вечеров.

— Русский литературный кружок при союзе советских писателей Киргизии выпустил и обдумал два сборника стихов — «Геологоразведка» и «Начало неба».

— Госназдат Таджикистана выпустил в 1938 г. 20 названий художественной литературы. Среди них много переводных — Джам Ширин, Флербер.

— Костромская центральная библиотека им. Крупской насчитывает около 200 тысяч томов.

— В Тбилиси в издательстве «Федерация» на грузинском языке выходит одно-томник избранных лирических стихотворений Г. Гейне в переводе Х. Вардошвили.

— Союз советских писателей и Управление по делам искусств при Совнаркоме Карелии объявили конкурс на лучший пьесу. Срок конкурса — 1 января 1939 г.

— Миллеровский литературный кружок при редакции газеты «Большевистский путь» за полгода выпустил 4 литстаницы, провел 13 творческих вечеров.

— Русский литературный кружок при союзе советских писателей Киргизии выпустил и обдумал два сборника стихов — «Геологоразведка» и «Начало неба».

— Госназдат Таджикистана выпустил в 1938 г. 20 названий художественной литературы. Среди них много переводных — Джам Ширин, Флербер.

— Костромская центральная библиотека им. Крупской насчитывает около 200 тысяч томов.

— В Тбилиси в издательстве «Федерация» на грузинском языке выходит одно-томник избранных лирических стихотворений Г. Гейне в переводе Х. Вардошвили.

— Союз советских писателей и Управление по делам искусств при Совнаркоме Карелии объявили конкурс на лучший пьесу. Срок конкурса — 1 января 1939 г.

— Миллеровский литературный кружок при редакции газеты «Большевистский путь» за полгода выпустил 4 литстаницы, провел 13 творческих вечеров.

— Русский литературный кружок при союзе советских писателей Киргизии выпустил и обдумал два сборника стихов — «Геологоразведка» и «Начало неба».

— Госназдат Таджикистана выпустил в 1938 г. 20 названий художественной литературы. Среди них много переводных — Джам Ширин, Флербер.

— Костромская центральная библиотека им. Крупской насчитывает около 200 тысяч томов.

— В Тбилиси в издательстве «Федерация» на грузинском языке выходит одно-томник избранных лирических стихотворений Г. Гейне в переводе Х. Вардошвили.

— Союз советских писателей и Управление по делам искусств при Совнаркоме Карелии объявили конкурс на лучший пьесу. Срок конкурса — 1 января 1939 г.

— Миллеровский литературный кружок при редакции газеты «Большевистский путь» за полгода выпустил 4 литстаницы, провел 13 творческих вечеров.

— Русский литературный кружок при союзе советских писателей Киргизии выпустил и обдумал два сборника стихов — «Геологоразведка» и «Начало неба».

— Госназдат Таджикистана выпустил в 1938 г. 20 названий художественной литературы. Среди них много переводных — Джам Ширин, Флербер.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Последний пер., д. 26, тел. 2-20-95 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬ: Издательство «Советский писатель», Москва, Б. Гнездинский, 10.

Число рабочих-читателей увеличилось за последние два года на 600 чел. и достигает 2400 чел. («Советский рабочий»).

— К 20-летию ВЛКСМ комсомольцы-писатели Украины готовят новые книги: П. Усенко — пишет поэму «Шесть» о героическом прошлом комсомола; Л. Первомайский — роман в стихах «Молодость брата». А. Досьяк написал повесть — «Воле Удай-реки».

— Дальгия выпускает несколько книг. Среди них — «Герои Балтики» Кобеца, «По широкому плесам Амура» Борисова.

— В балетном театре исполнялась на русском языке музыкальная комедия азербайджанского композитора Узейра Гаджибекова «Аршин мал алан».

— Адгейское национальное издательство выпустило третьестепенным тиражом популярную народную сказку «Старик и великан». Сказка переложена на стихи молодых адгейских поэтов Рашидом Меркицим.

— Госназдат Таджикистана готовит к печати к 125-летию со дня рождения Т. Шевченко сборник его стихов и поэм в переводе на еврейский язык. В сборнике будут помещены: «Кавказ», «Сон», «Послание», «Марица», «Княжна» и др.

ПОПРАВКА

В № 42 «Литературной газеты» в отчете о приеме тов. Ю. Крымова в члены союза советских писателей на 4 стр. в подзаголовках ошибочно было указано А. Крымов, вместо Ю. Крымов.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Провоздательские совещания новеллистов производятся по седьмому числу (7, 17, 27) каждого месяца в помещении Клуба московских писателей или помещения правления ССП в 8 часов вечера.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. СТАВНИЙ, Е. ПЕТРОВ, В. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ, Н. ПОГОДИН, О. ВОЙТИНСКАЯ,

СОВЕЩАНИЕ О КРАСНОФЛОТСКОЙ ПЕСНЕ

Политуправление РКФ и редакция газеты «Красный флот» совместно с секцией поэтов союза советских писателей и оборонной секцией союза советских композиторов созывают совещание поэтов и композиторов, посвященное созданию краснофлотских песен.

Совещание состоится 9 августа в 16 часов при Политуправлении РКФ (Аптекарский пер., дом № 1).

УПРАВЛЕНИЕ УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ КОМИТЕТА ПО ДЕЛАМ КИНЕМАТОГРАФИИ ПРИ СОВНАРКОМЕ СССР

ОБЪЯВЛЯЕТ ПРИЕМ СТУДЕНТОВ НА 1-й КУРС ОПЕРАТОРСКОГО ФАКУЛЬТЕТА

Всесоюзного Государственного Института Кинематографии, подготавливающего ассистентов кинооператоров

Принимаются лица в возрасте от 17-ти до 35-ти лет, имеющие законченное среднее образование.

Все поступающие подвергаются приемным испытаниям по политграмоте, русскому языку, математике, физике и химии, и специальным испытаниям по рисованию и фотографии.

Прем заявлений до 15 августа. Приемные испытания с 15 по 30 августа. Размер стипендий общеуниверситетский. Инородцам обеспечиваются общежитием.

За всеми справками по приему обращаться: г. МОСКВА, Ленинградское шоссе, д. 44, 2-й Всесоюзный Государственный Институт Кинематографии. Тел. Д-132-41. Д-175-88.

ПРИОБРЕТАЙТЕ ОБЛИГАЦИИ

государственного внутреннего выигрышного ЗАЙМА 1938 ГОДА!

Государственный Внутренний Выигрышный Заем 1938 года выпущен в облигациях до стоимостью 200, 100 и 50 рублей.

В течение двадцатипятилетнего срока займа будет проведено 120 тиражей выигрышной по 6 тиражей в год.

В КАЖДОМ ТИРАЖЕ БУДЕТ РАЗЫГРЫВАТЬСЯ: 4 выигрыша по 25.000 рублей, 20 выигрышей по 10.000 рублей, 120 выигрышей по 5.000 рублей, 1200 выигрышей по 1.000 рублей, 4336 выигрышей по 400 рублей, а всего 5.680 выигрышей на сумму 3.834.400 рублей.

В 1938 году тиражи выигрышей состоятся: 10 августа, 10 октября и 10 декабря. ОБЛИГАЦИИ ЗАЙМА СВОБОДНО ПРОДАЮТСЯ ЗА НАЛИЧНЫЙ РАСЧЕТ И ПОКУПАЮТСЯ СБЕРЕГАТЕЛЬНЫМИ КАССАМИ.

Одновременно с выпуском Государственного Внутреннего Выигрышного Займа 1938 года проводится конверсия государственных внутренних выигрышных займов 1929 г., 1930 г., 1932 г. и 1935 г.

Обмен облигаций этих займов, в связи с конверсией, на облигации Государственного Внутреннего Выигрышного Займа 1938 года производится сберегательными кассами по нарицательной стоимости до 1 января 1939 года. После этого срока необменные облигации теряют силу и обмену не подлежат.

Обмен облигаций, сданных в сберегательные кассы на хранение или в залог по ссудам, производится при личной явке владельца облигаций или по его письменному заявлению, к которому должно быть приложено сохранное свидетельство или залоговая квитанция.

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАЙМА И ГОСКРЕДИТА.

«ТРИ ВЕЛИКИХ РУССКИХ ДЕМОКРАТА»

Гослитиздат выпускает работу Валерьяна Полянского (П. И. Лебедева) «Три великих русских демократа». Это статьи, ранее опубликованные, но сейчас значительно переработанные.

1) В. Г. Белинский, 2) Н. Г. Чернышевский, 3) Н. А. Добролюбов.

Тираж издания — 10000 экз. Цена — 3 р. 25 коп. В книге помещены портреты Белинского, Чернышевского и Добролюбова.

Ленгосназдат выпустил книгу Александра Чуркина «Песни и стихи». В книгу вошли песни и стихи последних лет и поэма «Шли полки через Сиваш». Книга вышла тиражом 5300 экз. Цена 2 р. 25 коп.

Гослитиздат тиражом 10.000 экз. выпустил «Книгу стихов» Ильи Френкеля. В книгу, наряду с оригинальными стихами поэта, помещены переводы пяти произведений немецкого поэта Фрейлигата: «Мавританский князь», «Вопреки всему», «Из Испании», «Ледяной дворец» и «Мертвые живым». Цена книги — 1 р. 75 коп.

ДЕТИЗДАТ — К ЮБИЛЕЮ Т. Г. ШЕВЧЕНКО

К исполняющемуся в марте 1939 г. 125-летию юбилею со дня рождения Тараса Шевченко Детиздат выпускает одно-томник избранных произведений поэта.

Часть произведений будет дана в новых переводах Н. Асеева, А. Твардовского, М. Светлова, В. Державина и др.

Детиздат выпускает также к юбилейным дням биографию поэта.

ОДНОТОМНИК ВОЛЬТЕРА

В Гослитиздате выходит одно-томник «Избранных произведений» Вольтера. В одно-томник вошли: проза, театр, стихи и критика.

В отделе прозы помещены: волюнтарная повесть «Зади, или судьба», философская повесть «Микромегас», «Жанно и Колен», «Кандид, или Оптимизм», «Простак», «Человек с собакой», «Царевич и Баязидская». Драматургия Вольтера представлена двумя трагедиями — «Занра» и «Мероп».

Одно-томник выходит под редакцией и с предисловием И. К. Луппола. Комментарий к нему составлен К. М. Берковой. Тираж одно-томника — 10.000 экз. Цена 8 рублей.

В этом году Учпедгизу пришлось отступить от своей традиционной манеры снабжать высшую школу учебниками во вторую очередь. Он получил задание выпустить к 1 сентября 14 книг по литературе для высшей школы.

Среди этих книг — «Курс истории западноевропейской литературы», том III Ф. Шиллера и хрестоматия по русской и западноевропейской литературе. Авторы хрестоматий по западноевропейской литературе: Р